

КРИТИКА

Кашуба М.Т.

«ДРУГАЯ» ЧЕРНОЛЕССКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕГО ДНЕСТРА ПО Л.И.КРУШЕЛЬНИЦКОЙ

Kashuba M.T. “Another” Chernoleskaya culture of the Middle Dniester according to L.I.Kruselnicka.

The work is dedicated to the criticism of the conception of L.I.Kruselnicka, who thinks that the culture of Saharna-Solonceni has appeared in the result of the expansion to the South-West of the bearers of the Chernoleskaya culture, group Neoporotovo in particular. The author supports the idea of migration of the bearers of the culture of Saharna-Solonceni from the Low Danube regions in the second half – in the end of the X c. B.C. The work contains a quite full critical overview of the historiography on the problem up till now.

В истории исследования предскифского периода Северного Причерноморья безусловно дискуссионным в течение уже полувека остается вопрос о направленности культурных влияний (соответственно, происхождения культур) в лесостепной части междуречья Днестра-Днепра.

Еще в 40-50-е годы XX в. на уровне первоначального обобщения и культурно-исторической интерпретации предскифских памятников лесостепной Молдовы и Правобережной Украины складываются две противоположные гипотезы относительно их формирования. Ряд отечественных и зарубежных исследователей (в первую очередь, А.И.Мелюкова и С.Моринц) связывают происхождение культуры Сахарна-Солончень (далее — Сахарна) с миграцией южнофракийского населения из Добруджи в Пруто-Днестровское междуречье. Впоследствии культура Сахарна повлияла на развитие Чернолесья (Чернолесье II) Правобережной Украины, в первую очередь, в области производства высококачественной орнаментированной столовой посуды (Мелюкова 1958: 5-102; она же 1960: 129-150; она же 1972:57-72; она же 1975: 54-68; она же 1979: 21-31; Покровська 1952: 36, 37; она же 1953; она же 1973: 169-188; Смирнова 1977: 94-107; она же 1980: 121-143; она же 1983: 68-71; она же 1986: 23-25; Малеев 1987: 11-13; Кашуба 1986: 80; Morintz 1964: 101-118; он же 1974: 897-906; он же 1977: 1465-1488; он же 1978; Morintz, Roman 1969: 393-422; Laszlo 1969: 319-326; он же 1972: 207-222; он же 1976: 57-75; Kossack 1980: 109-141 и др.). Согласно этой точке зрения, культурные воздействия в лесостепи Днедро-Поднестровья предскифского времени постулируются с запада (юго-запада) на восток (северо-восток).

На противоположных позициях оказалась другая часть ученых, отмечая культурные трансляции с востока на запад, со стороны Чернолесья на культуру Сахарна. А.И.Тереножкин акцентировал «неожиданное появление в совершенно готовом виде» в лесостепной Молдове богато орнаментированной посуды культуры Сахарна, а также более раннюю датировку (на тот момент) белогрудовских и чернолесских памятников (где такая керамика известна) по сравнению с культурой Сахарна. Соответственно, он пришел к заключению о проникновении такой керамики с востока на запад, с Правобережья Днестра на Днестр (Тереножкин 1961: 215-217). Несколько позднее оформляется концепция о «мощном продвижении населения из Среднего Поднепровья и Побужья в область Поднестровья», в результате чего и формируется культура Сахарна (Ильинская, Тереножкин 1983: 290-303; Kruselnicka 1979: 89-93). Согласно этой второй гипотезе, культура Сахарна имеет восточное «чернолесское» происхождение.

Благодаря особенностям расположения отдельное место и важное значение в этой дискуссии имеют предскифские памятники Юго-Западной Подолии и Левобережья Среднего Днестра (украинская часть). При открытии последних (тогда же, в 50-е годы) сразу был поставлен вопрос об их специфике и своеобразии в силу связующего положения между одновременными памятниками лесостепной Молдовы и Правобережной Украины (Шовкопляс 1952: 5-10; он же 1954: 98-105; он же 1956: 29-37; Шовкопляс, Максимов 1952: 89-108; Мелюкова 1953: 60-73; она же 1954: 59-68; она же 1958: 12-37; Артамонов 1948: 177-181; он же 1949: 257-262; он же 1955: 100-117; Смирнова 1954: 1-15). При этом предскифские древности Юго-Западной

Подолы были выделены в особую локальную группу (Смирнова 1954: 14, 15), а сама чернолесская культура всей территории распространения была разделена на две локальные группы: среднеднепровскую и среднеднестровскую (или югозападноподольскую) (Мелюкова 1954: 68; она же 1958: 19; Смирнова 1954: 6-9, 14, 15).

В 70-90-е годы произошло существенное расширение источниковой базы предскифского периода Среднего Поднепровья: были открыты новые местонахождения (Гуцал 1979: 65-75; Довідник 1984: 3-171); проведены масштабные раскопки на Рудковецком городище (Гуцал 1987: 20, 21; Довідник 1984: 15, 26, 70, рис.6:3, 7, 9, 10, 13-18; 10); комплексе памятников Непоротово (Крушельницкая 1975: 28, 29; она же 1979: 73-96; она же 1985: 105-130; она же 1990: 135-140), поселениях Днестровка-Лука (Смирнова 1982: 30-53; она же 1984: 43-60; она же 1985: 5-29; она же 1986: 8-26) и Комаров (Ковпаненко 1998: 33, 34), а также Бернашевском могильнике (Гуцал 1994: 54, 55; он же 1998: 34, 35). Новые открытия не только не принизили значения достижений 50-х годов (например, Смирнова 1987: 18-20), но совокупный анализ всего накопленного материала позволил более детально оконтурить культурно-историческую обстановку на Среднем Днестре в предскифское время. Так, была выявлена неоднородность позднечернолесской культуры (Чернолесья II) в пределах среднеднестровского ареала, что обусловлено разной степенью участия в ее формировании (при безусловном белогрудовском субстрате, наличие которого на Среднем Днестре уже не вызывает сомнений: Рыбалова 1999) соседствующих раннегалльштатских культур Гава-Голиград и Сахарна (Смирнова 1981: 52, 53; она же 1984: 55; она же 1985: 26; она же 1990: 34-37; Смирнова, Кашуба 1988: 18-28). В эти же годы к сторонникам южнофракийских влияний на украинскую лесостепь предскифского времени присоединилась и Л.И.Крушельницкая (Крушельницкая 1985: 126, 127; она же 1990: 135-140). Таким образом, разрешение известной дискуссии стало склоняться в пользу приоритета сахарнянского воздействия на чернолесскую культуру (по крайней мере, в ее среднеднестровском распространении).

Казалось, что в конце 80-х — 90-е годы обозначенная проблема утрачивает свой полемический характер и вследствие целого ряда других доказательств. Это и достижения в изучении раннего гальштата Балкано-Подунавья, где был четко обозначен родственный культуре Сахарна восточнобалканский круг памятников или орнаментированный гальштат (Hansel 1976: 122-164; Morintz 1974: 897-906; он же 1977: 1465-1488; он же 1987: 39-71; Laszlo 1985: 1-15; он же 1986a: 1-12; он же 1989: 111-129; Guma 1995: 99-137); и уточнение хронологии предскифского периода Северного Причерноморья, с датировкой культуры Сахарна, в том числе в преде-

лах конца X-начала VIII вв. до н.э. (Смирнова 1985a: 33-53; она же 1990: 1-40; Кашуба, Гольцева 1991: 197-209); и выявление нового раннегалльштатского горизонта XI-X вв. до н.э. с прочерченной керамикой типа Тэмзоань-Холеркань-Балта, явившегося местным субстратом культуры Сахарна в Пруто-Днестровском междуречье (Laszlo 1986: 65-91; Левицкий 1990: 6-8; он же 1992: 120; он же 1994: 219-256; Ванчугов 1992: 36; он же 1993: 28-39; Кашуба 1992: 35, 36), а также важные и принципиально новые источники по культуре Сахарна как таковой (Кашуба 1989: 59, 60; она же 1996: 394-397; она же 1998: 29-31; Гольцева, Кашуба 1991: 150, 151; они же 1995: 7-37). Тем не менее гипотеза о восточном происхождении культуры Сахарна и, соответственно, приоритетных влияниях с востока на запад в лесостепи предскифского времени Днепро-Поднепровья была с некоторыми оговорками возрождена в последней монографии Л.И.Крушельницкой «Чернолесская культура Среднего Приднепровья», на рассмотрении которой остановимся подробнее (Крушельницкая 1998).

Безусловным достоинством монографии Л.И.Крушельницкой является полноценная публикация археологических материалов чернолесской культуры Среднего Днестра, полученных ею при раскопках комплекса памятников возле с. Непоротово. В археологической литературе не раз поднимался вопрос о важности публикации самих вещей, когда необходимо присутствующая в описании объективность и конкретность (что наиболее полно соответствует самому миру вещей) не заменяется типологией, дающей вместо материалов результат их изучения в образцовом и обобщенном виде (Щапова 1994: 81-92). В данной монографии присутствуют и описание конкретных вещей и комплексов, и типология этих вещей, и построенная автором концепция. И если публикация источников составляет большую и лучшую часть книги Л.И.Крушельницкой (Крушельницкая 1998: 13-137), то результаты их изучения и особенно концепция автора (Крушельницкая 1998: 138-178 и 179-208) вызывают закономерные вопросы и иные суждения.

В первую очередь, удивляет и весьма смущает ярко выраженный полемический задор этой монографии, который иногда выходит за принятые в научной среде академические рамки (например, Крушельницкая 1998: 5, 6, 133, 189 прим.). Автор монографии увлекается пылом дискуссии, допуская порой неточности определенного смысла. Так, по Л.И.Крушельницкой, своеобразие днестровских памятников (с выделением их в локальную группу) в ряду предскифских древностей лесостепи Днепро-Поднепровья было выявлено только после проведения первых сезонов возле с. Непоротово (Крушельницкая 1998: 201). В действительности, как это тщательным образом показано выше, сред-

неднестровская локальная группа позднечернолесской культуры была обозначена еще в середине 50-х годов. Л.И.Крушельницкая противоречит здесь сама себе, что ясно вытекает из параграфа по истории исследований памятников предскифского периода в Среднем Поднестровье к началу раскопок возле с. Непоротово (Крушельницкая 1998: 7-12). Такого рода примеров из указанной монографии можно привести еще несколько, но имеются и более серьезные расхождения.

В предложенной классификации керамики из памятников Непоротово Л.И.Крушельницкая применяет иные термины вместо принятых и широко употребляемых в отечественной археологической литературе, что расширяет и без того усложненный понятийный ряд: «амфоры» вместо «корчаг», «вазы» вместо «кубков» (Крушельницкая 1998: 151-161). Добавим здесь, что не только А.И.Мелюкова называет вазы кубками (Крушельницкая 1998: 157), но и большинство отечественных и зарубежных археологов. Кстати, среди сосудов, отнесенных Л.И.Крушельницкой к вазам (Крушельницкая 1998: 160, рис.97), присутствуют также чаши (Крушельницкая 1998: 160, рис.97: 3, 7, 11, 12), а несколько из них вообще могут являться и черпаками (Крушельницкая 1998: 160, рис.97: 2, 6, 8, 9). В таком случае, утверждение автора этой работы, что на сегодняшний день на чернолесских памятниках нет такого разнообразия форм ваз (Крушельницкая 1998: 157), не имеет под собой почвы. Что могут дать, например, основные формы ручек черпаков (Крушельницкая 1998: 164, рис.100) без соотнесения их с архитектурой сосудов? В таблицах с орнаментальными мотивами на керамике из Непоротово вообще не выделен средний горизонт (Крушельницкая 1998: 158, 159, рис.95, 96), который, по утверждениям автора, является наиболее богато представленным в орнаментации посуды (Крушельницкая 1998: 185). Три группы мисок оказываются составленными из сосудов разных типов (Крушельницкая 1998: 167, рис.102). Классификация керамики дана ею для всех пяти памятников возле с. Непоротово в целом, при этом напрашивается вопрос об отличиях (в массовом материале) между поселениями одного горизонта, учитывающая некоторые особенности отдельных памятников (наличие культовых сооружений и прочее).

Как будто более ясны предложенные Л.И.Крушельницкой три хронологических горизонта X-VII вв. до н.э. Непоротово, из которых нижний (предкиммерийский) датируется X в. до н.э., средний (киммерийский) — IX-VIII вв. до н.э. и верхний (раннескифский) — VII в. до н.э. (Крушельницкая 1998: 179-189). При этом желательны отсутствующие в данной работе сводные таблицы этих горизонтов с маркирующими хроноиндикаторами и характерным массовым материалом, а датировка нижнего горизонта Не-

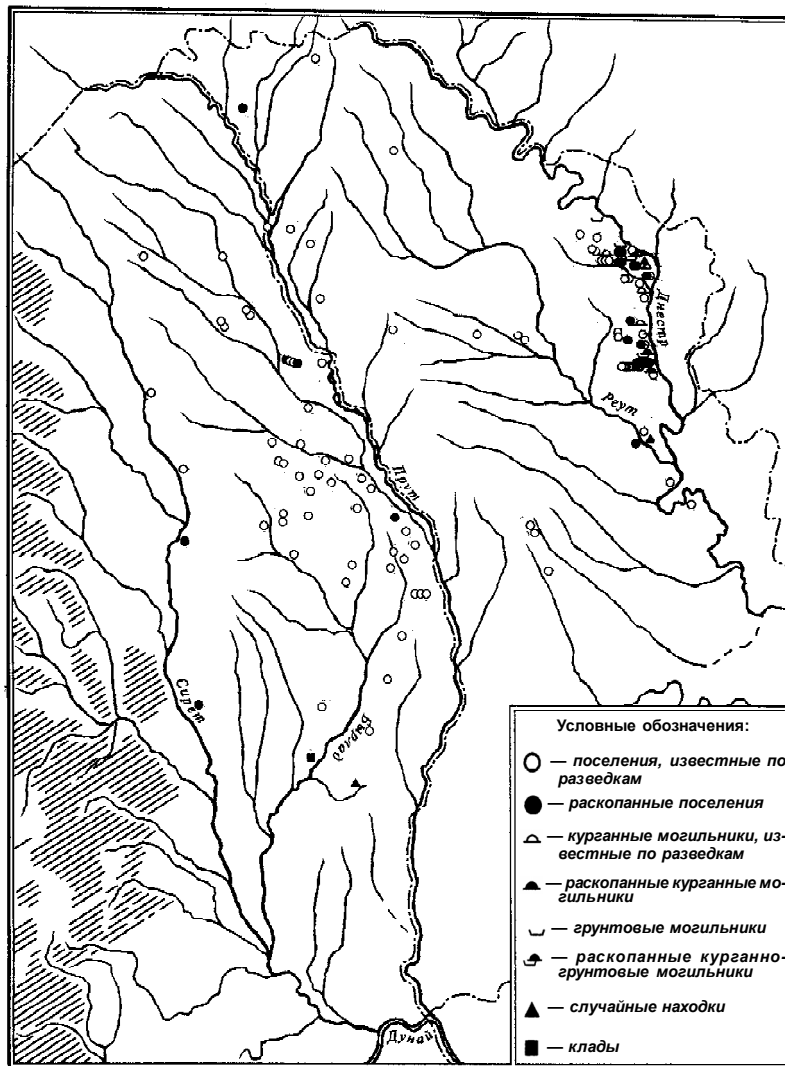
поротово X в. до н.э. должна быть подкреплена более весомыми аргументами.

В целом же затронутые выше вопросы относятся к проделанному Л.И.Крушельницкой анализу источников. Как известно, «видение» материалов (даже неким образом формализованное) разными исследователями не бывает одинаковым, а зачастую и вовсе не совпадает. Поэтому не исключено, что высказанное здесь мнение может остаться не воспринятым и «параллельным» предложениям Л.И.Крушельницкой. Но вот в основу ряда суждений, на которых зиждется ее концепция, положены факты, далекие от уже существующих археологических реалий. В чем же заключается предложенная Л.И.Крушельницкой новая концепция относительно чернолесской культуры Среднего Днестра?

Чернолесская культура среднеднестровского ареала, по ее мнению, — это непоротовская группа памятников. Сам же памятник Непоротово (на основе присутствия скорченных погребений с западной ориентировкой, уникального комплекса из кургана Лоевцы и трех последовательных культурно-хронологических горизонтов) является эталонным и эпонимным для обозначения всей среднеднестровской группы в целом.

Население Среднего Днестра в предскифское время, по мнению Л.И.Крушельницкой, приступило к активному натиску не только на соседние с ним на западе племена висоцкой и голиградской культур, но и начало продвигаться на юго-восток, вниз по течению Днестра, в лесостепные районы молдавского Поднестровья, где известны сахарнянские памятники. Основной же причиной такой подвижки населения явилось наличие в местной среднеднестровской среде полувоенного социоорганизма ранних кочевников, само развитие которого потребовало активных действий за пределами своей территории (Крушельницкая 1998: 179-200; Бандрівський, Крушельницкая 1998: 201-208).

В свете обозначенной выше дискуссии оставим в стороне отдельные положения концепции Л.И.Крушельницкой, само провозглашение которых уже не бесспорно (например, выделение в лесостепном Буго-Днестровском междуречье позднебронзовой культуры типа Гордеевки; наличие на Среднем Днестре в предскифское время полувоенного социоорганизма ранних кочевников; специфический раннекочевнический налет здесь уже в черноголовское время и прочее). Но вывод о частичном оттоке населения из украинской лесостепи на юг означает, как отмечает сама Л.И.Крушельницкая, возврат к гипотезе В.А.Ильинской о происхождении группы Сахарна под влиянием чернолесско-жаботинских памятников с той лишь разницей, что на юг и юго-восток продвигалось не все население Правобережной лесостепи, а только из Среднего Поднестровья (Бандрівський, Кру-

ис.1. Карта памятников раннегальштатской культуры Козия-Сахарна

шельницка 1998: 205).

В основе такой гипотезы находятся следующие положения. Во-первых, акцент на очень небольшую территорию (70 × 30 км), занимаемую группой Сахарна в лесостепной Молдове, которая в 20 раз меньше, чем среднеднестровская группа чернолесской культуры. Во-вторых, анализ известного сходства погребальной обрядности чернолесской культуры Среднего Днестра и группы Сахарна приводит к выводу об их одновременном происхождении из общего источника. Последний невозможно выделить из-за почти полного отсутствия на Среднем Днестре материалов На А1-А2. В-третьих, в дискуссии со сторонниками южнофракийского происхождения группы Сахарна абсолютизируется отсутствие в Нижнем Подунавье (на гипотетичной первоначальной территории) грунтовых и курганных могильников, аналогичных обнаруженным в лесостепных районах поречья Днестра. В-четвертых, при анализе массового материала из Непоротово подчеркивается его сходство именно с ранним памятником Цахнэуць группы Сахарна, а не с поздними (по А.И.Ме-

люковой) поселениями Солончень-Хлиная и Сахарна. При этом используются датировки родственной группы Козия (Запрутской Молдовы) в пределах X-IX вв. до н.э. и устаревшие даты группы Сахарна, когда даже ранние памятники последней датируются концом IX в. до н.э. (вместо реальной даты — вторая половина X в. до н.э.). В действительности все перечисленные постулаты являются не столь абсолютными и не выдерживают критики, а археологические реалии конца 90-х годов дают принципиально иную картину культурно-исторической обстановки на Среднем Днестре в предскифский период.

Исходя из современного уровня исследований, необходимо отказаться не только от положения об ограниченности и компактности занимаемой группой Сахарна территории (Днестро-Реутское междуречье), но и от разделения родственных раннегальштатских памятников на две группы: типа Козия (в Запрутской Молдове) и типа Сахарна (в Молдове).

Границы ареалов групп Козия и Сахарна рассматривались румынскими и отечественными исследователями отдельно, без связи друг

с другом. Такое раздельное изучение памятников (в лесостепной части Пруто-Днестровского междуречья и лесостепи Запрутской Молдовы, а также запоздалое (через 20-25 лет) открытие последних) повлекло мнение о компактности занимаемой группой Сахарна территории, концентрации ее местонахождений в Резинском и Шолдэнештском районах Республики Молдова, а также отсутствию промежуточных памятников между Козией и Сахарной. При этом подчеркивалось, что западнее Реута не существует ни одного памятника типа Сахарна (Мелюкова 1972: 66-70; она же 1979: 31, 32; она же 1989: 20-23; Лапушнян и др. 1974: 8). Все это нашло полное отражение в своде памятников 1974 года группы Сахарна, в котором даже на момент его публикации присутствовал ряд неточностей (Лапушнян и др. 1974: 5-32).

Пересмотр сведений о разведках 50-60-х годов и данные новых разведок 80-90-х годов в северных и центральных районах Республики Молдова (Смирнов 1949: 189-202; Пассек 1949: 58, 59, 65-67; Маркевич 1955: 131-145; Федоров 1957: 247, 254, 294, 295, 302; Кетрапу 1961: 115, 116; Бырня, Чеботаренко 1964: 276; Свод 1987: 465; Кашуба 1989: 59; она же 1990: 107-111; Levinschi, Borziak 1990: 50-54; Levițki 1994a: 155, 156, 254, fig.77; Гольцева, Кашуба 1995: 3-37; Niculiță 1996: 139-167; Haheu 1998: 111), а также широкое привлечение всего корпуса румынских источников (Cronica 1994-1995; Cercetări arheologice 1995 и 1997; Laszlo 1989: 115, карта; он же 1994: 168-184, карты 2, 3) позволяют считать всю лесостепную часть Днестро-Сиретского междуречья территорией распространения одной культуры Козия-Сахарна. К последней на сегодняшний день относятся 123 памятника (рис.1).

Отметим, что памятникам типа Козия и типа Сахарна присущи все признаки, характеризующие археологическую культуру как таковую (Классификация 1990: 53-61). Это общность территории (с двумя областями наибольшей концентрации памятников — в Днестро-Реутском междуречье и лесостепных районах бассейнов Бырлада и Жижии); устойчивое сочетание типов: жилых и хозяйственных сооружений, основных форм и ornamentации посуды (при фактически одинаковой субстратной кухонной керамике), вещевого инвентаря; единый раннегаллштатский субстрат, которым явился горизонт с прочерченной керамикой Тэмзоань-Холеркань-Балта, а также миграционный характер происхождения (рис.2). Последний обозначился еще на момент открытия этих памятников (Мелюкова 1960: 145; она же 1961: 48; Laszlo 1972: 200-222) и хорошо подтверждается применением, например, к сахарнянским древностям главных критериев, на основе которых по археологическим данным реконструируются миграции как таковые (Титов 1982: 92-139; Городенко 1990: 47, 48). Все вышеперечисленное, по нашему

мнению, позволяет уверенно объединить эти памятники в одну (единую) культуру Козия-Сахарна, отказавшись от обособленных групп — типа Козия и типа Сахарна.

В таком случае культурно-историческая обстановка начала I тыс. до н.э. в южной лесостепи Днестро-Сиретского междуречья реконструируется следующим образом. Во второй половине-конце X в. до н.э. носители культуры Козия-Сахарна мигрируют к северу — северо-востоку из Среднего и Нижнего Подунавья в лесостепную часть Днестро-Сиретского междуречья. Но в течение еще всего X в. до н.э. этот регион оставался густо заселенным племенами культуры Кишинэу-Корлэтэнь (Laszlo 1989: 115; он же 1994: 105-141, карта 2; Левицкий 1990a: 2, 8, 9; он же 1994a: 51-53, fig. 1,2). Поэтому носители Козия-Сахарна «просачивались» на местности демографической разреженности и «пустоты» — мигранты разделились на два потока.

Один поток переселенцев обошел эту густо заселенную область с юго-запада и, таким образом, в лесостепных районах бассейнов Бырлада и Жижии оформилась «группа» Козия. Второй поток обходил эту территорию с юго-востока, сформировав в междуречье Днестра и Реута «группу» Сахарна (рис.1; 2).

Но дальнейшее продвижение населения не закончилось: часть переселенцев закрепилась в местах прибытия, основав, например, в южной лесостепи Пруто-Днестровского междуречья долговременные местонахождения, непрерывное функционирование некоторых из них (Хлижень II-Ла Шанц, Солончень-Хлиная) можно проследить от X до III вв. до н.э. (Гольцева, Кашуба 1995: 7-44, табл.VI-XCVIII; Kashuba, Haheu, Levițki 1999). Остальное население продолжило освоение новых земель и расселилось вверх по Днестру и Пруту, смыкаясь в северной части ареала культуры Кишинэу-Корлэтэнь — тем самым была сформирована отчетливо выделяемая территория одной культуры Козия-Сахарна (рис.1; 2).

Характер наблюдаемых передвижений культуры Козия-Сахарна, исходя из существующих разработок по типологии миграций (Клейн 1999: 66-68), свидетельствует, что с самого начала имело место переселение достаточно большой фракции народа, в данном случае южнофракийских групп на Дунае. Такое переселение фиксируется, например, ранними памятниками второй половины X в. до н.э. Днестро-Реутского междуречья — поселениями Цахнэуць, Солончень-Хлиная и, отчасти, Матеуць-Ла Башнэ. Затем продолжилась «ползучая» экспансия («волна передвижения») на север и северо-восток (вверх по Днестру и Пруту), в ходе которой были возможны и дополнительные притоки населения из Добруджи еще в IX-VIII вв. до н.э.

Таким образом, тезис о небольшой территории группы Сахарна снимается как не соответствующий действительности. Но возникает дру-

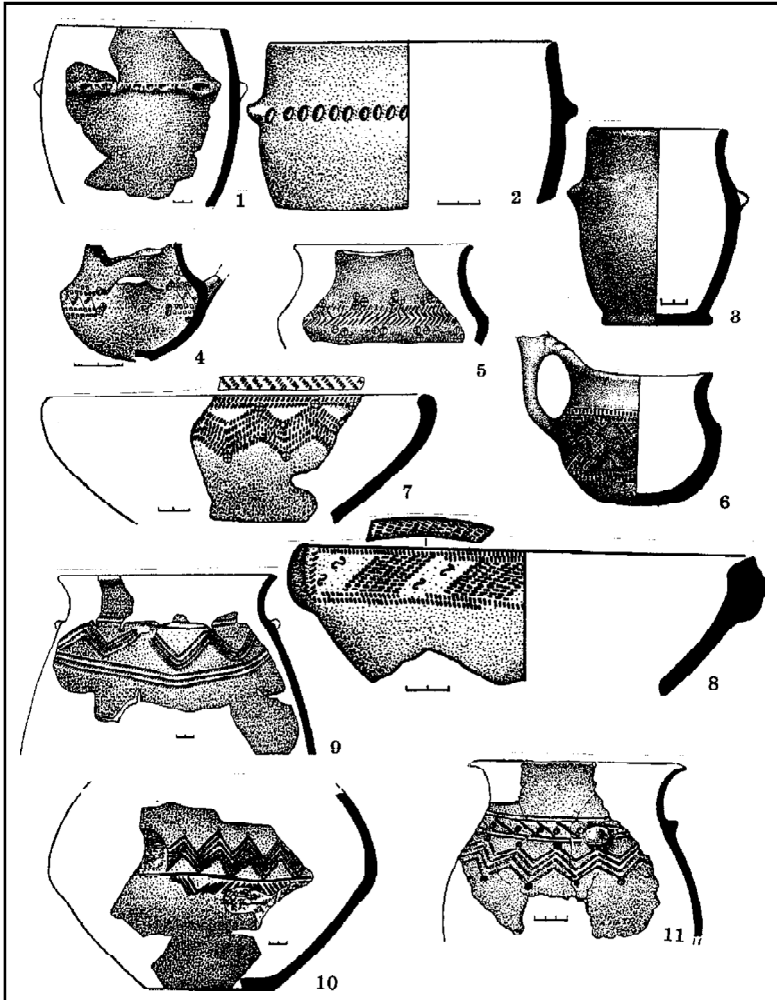

Рис.2. Керамика единой культуры Козия-Сахарна: 1, 4, 5, 7, 9, 10 — поселения Козия и Покреака-Четецуэ группы Козия (по А.Ласло 1972 и К.Иконому 1996); 2, 3, 6, 8, 11 — поселения Главан V, Алчедар III и Бутучень (по М.Т.Кашуба и И.Т.Никулицэ 1996)

гой закономерный вопрос: почему миграция носителей группы Сахарна (даже не культуры Козия-Сахарна) может постулироваться из Нижнего Подунавья, а не с территории Среднего Поднепровья, как это предлагает Л.И.Крушельницкая?

В этом случае, как раз и работают основные критерии (территориальный, хронологический и локальности), характеризующие миграции по археологическим данным (Титов 1982: 92-139). От этих трех критериев, в конечном итоге, не отказывается и Л.С.Клейн, предлагая вопрос об археологических критериях миграций на первых порах для каждого класса миграций решать отдельно. Так, комплексный (локальный) критерий наиболее часто применяется наряду с критериями неподготовленности (внезапности) и стыка, а в последнем имеются два аспекта — хронологический и территориальный (Клейн 1999: 52-71). И если территориальный критерий одинаково применим как для Нижнего Подунавья, так и для Среднего Днестра (культуры занимают соседние ареалы и соединены промежуточными памятниками), то хронологический критерий и критерий локальности однозначно указывают на Нижнее Подунавье как первоначальную территорию, откуда мигрировали насельники Козия-

Сахарна.

Хроноиндикаторами второй половины X в. до н.э. как момента появления «группы» Сахарна в лесостепной Молдове являются бронзовые пластинчатые рифленые браслеты и железные двухпетельчатые смычковые фибулы из курганов III и IV Сахарнянского могильника I (Цыглэу), бронзовые пластинчатые рифленые браслеты из кургана III (I по А.И.Мелюковой) Сахарнянского могильника II (Гура Хлубоака), а также фрагмент бронзовой пилки с поселения Матеуць-Ла Башнэ (рис.3).

Хронология бронзовых пластинчатых браслетов с рифлением, особенно финал их бытования в Пруто-Днестровском междуречье, детально была рассмотрена в работе Г.И.Смирновой. В целом, их бытование охватывает BrD-На А, конечные даты — На А2-В1, а для Северо-Западного Причерноморья — в пределах второй половины-конца X в. до н.э. (Смирнова 1985а: 38, 39). Такая датировка (в пределах второй половины X в. до н.э.) может быть принята и сегодня, несмотря на существующую тенденцию удревления отдельных фаз европейской бронзы и раннего гальштата и особенно ограничение На В 3 IX — серединой VIII вв. до н.э. (Бочкарев 1992: 22).

Четыре из сахарнянских браслетов отличаются от типичных пластинчатых с рифлением наличие перехвата посередине, из которых два имеют по две выпуклости (шишечки) на концах (рис.3: 8, 11, 12, 14). Точные аналогии им пока не известны. Можно упомянуть золотые рифленные браслеты с 10 выпуклостями на концах из клада Хинова в Юго-Западной Олтении (Davidescu 1981: 8, 11; fig.2: 2; 9:1; Guma 1995: 108, 109, pl.X.V: 9-35). Первоначально клад Хинова был датирован «концом бронзового века и началом раннего железного века» и отнесен к группе Инсула Банулуй (Davidescu 1981: 20; Guma 1993: 178). Затем датировка и культурная принадлежность клада пересматривались (Chicideanu 1992: 52, note 14), и он был соотнесен с горизонтом кладов Михалков-Фокору-Дали (Terza 1987: 10). В настоящее время клад Хинова относится к одноименной культурной группе и датируется На А2-В1 (вторая половина XI — первая половина X вв. до н.э.) (Guma 1995: 108, 109). Несмотря на аргументированное мнение О.Г.Левицкого, что датировка этого клада несколько завышена и период На В1 может быть полностью исключен, для аналогии браслетам из Сахарнянского могильника I важен факт существования браслетов с выпуклостями уже в период раннего гальштата.

Двухпетельчатые фибулы аналогичны по схеме двум вариантам ранних смычковых фибул с дужкой, параллельной или непараллельной ножке — белозерским фибулам из Струмка и Лукьяновки. Несмотря на то, что фибула из Струмка оказалась несколько иной схемы, чем ранние фибулы XII в. до н.э. (Vancigov 1996: 300, abb. 10:3), весь массив дуговидных (-?) белозерских фибул Северного Причерноморья по аналогиям с Эгейских островов и Югославии датируется XI-X вв. до н.э. (Sapouna-Sakellarakis 1978: 41-45; taf.1: 1, 2, 15, 21; 3: 51A-69; Vinski-Gasparini 1973: 115, 116, 204; tabl.89: 4, 6; 90: 1; 91:6; Vasic 1982: 280, 281). Сахарнянские фибулы крупнее белозерских и изготовлены из железа, поэтому их можно поставить последними в ряду собственно белозерских фибул и датировать второй половиной X в. до н.э. (рис.3: 10, 13). Отметим здесь еще одну железную фибулу (фрагмент), обнаруженную на городище Покреака-Четэцуэ группы Козия Запрутской Молдовы (Isonotu 1996: 28, 47; fig.14:3). Важным является и наличие фрагмента железной фибулы в погребении 55 белозерского могильника Казаклия в Буджаке, которое датируется второй половиной X в. до н.э. (Agulnikov 1996: 43, 65, 107; fig.19:4). Наконец, датировка — вторая половина X в. до н.э. — подтверждается и совместным

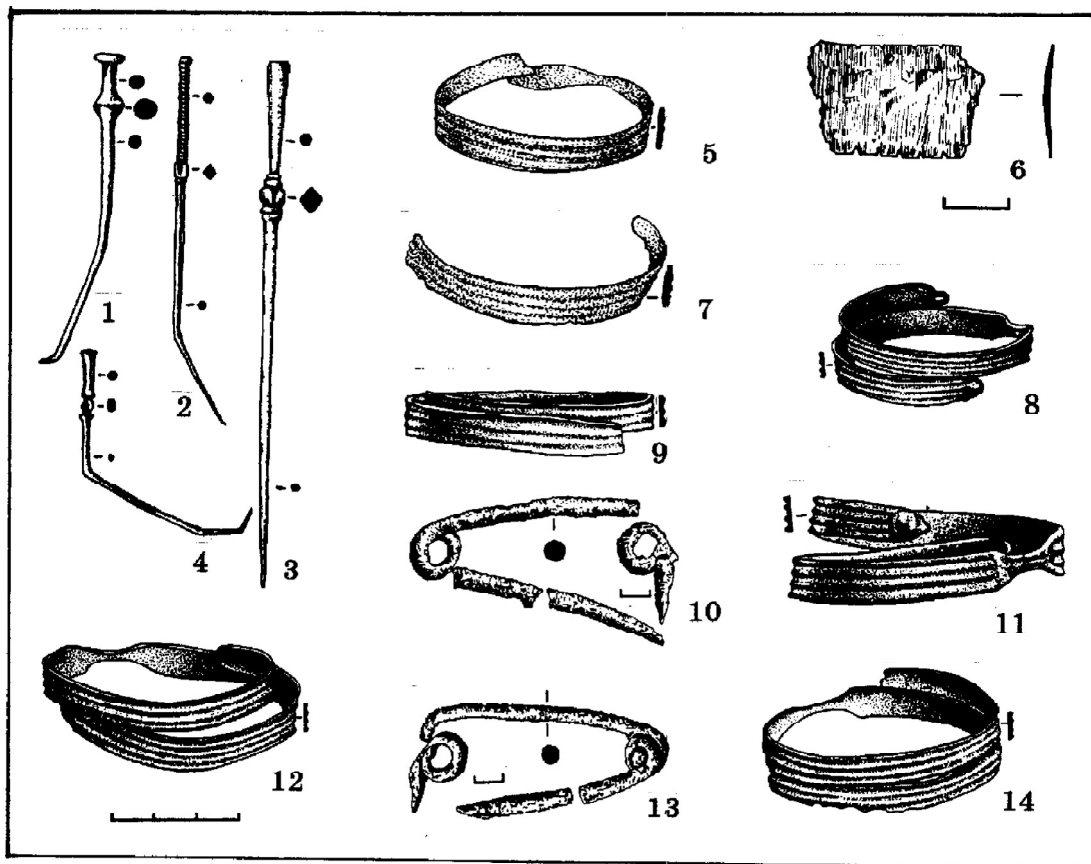

Рис.3. Хроноиндикаторы нижних хронологических границ развитого Чернолесья Среднего Днестра (1-4) и Сахарны (5-14): 1-Комаров, 2-4 — Днестровка-Лука, 5,7-Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака), 6-Матеуць-Ла Башнэ, 8-14 — Сахарнянский могильник I (Цыглэу)

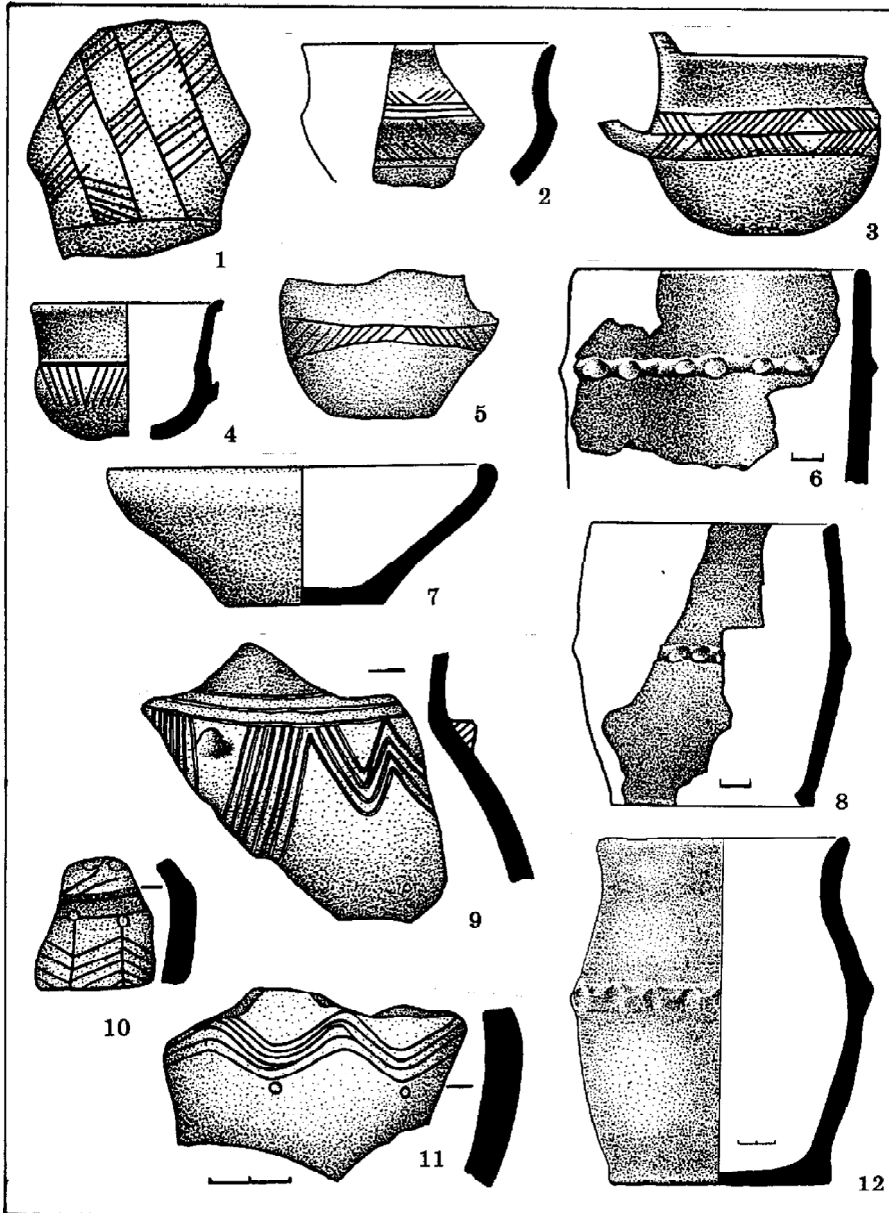

Рис.4. Керамика раннего сахарнянского поселения Солончесь-Хлиная

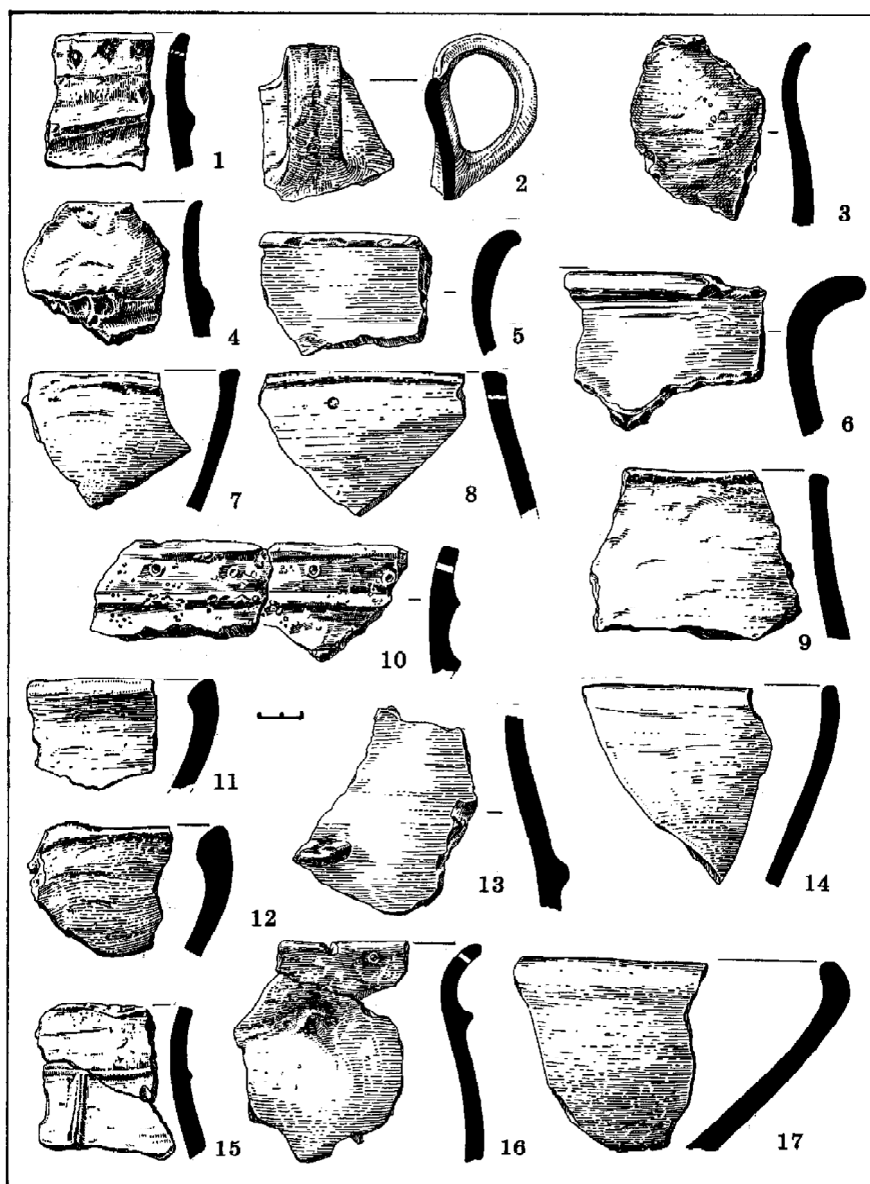
нахождением в одном погребении кургана III Сахарнянского могильника I (Цыглэу) железной фибулы и бронзовых рифленых браслетов (рис.3: 8-12, 14).

Фрагмент пилки с поселения Матеуць-Ла Башнэ относится к типу изделий с узким плоским полотном в виде продолговатой пластины с утолщением в средней части, с покрытыми зубчатой насечкой краями (рис.3: 6). Ареал таких изделий довольно широк — они представлены, преимущественно, в кладках Венгрии, Югославии, Словакии и Трансильвании. На территории Днестро-Сиретского междуречья в раннегальштатской культуре с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь известно 6 экземпляров этого типа (Levițki 1994a: 126, 127, 235; fig.58: 15-20). Основное время их бытования приходится на период На А-В1. В отечествен-

ной археологической литературе хронология этих изделий достаточно широко обсуждалась, мы придерживаемся аргументированного мнения, что в Днестро-Реутское междуречье бронзовые пилки попадали в XI-X вв. до н.э. (Смирнова 1985: 47; Levițki 1994a: 126, 127). Что же касается фрагмента пилки с сахарнянского поселения Матеуць-Ла Башнэ, то она, возможно, одна из позднейших и должна датироваться конечным периодом времени бытования здесь таких изделий, то есть второй половиной — концом X в. до н.э.

Все приведенные аналогии хроноиндикаторам культуры Сахарна убедительно свидетельствуют в пользу датировки ее нижней хронологической границы в пределах второй половины X в. до н.э. Массовый же материал ранних памятников культуры Сахарна также подтвержда-

Рис.5. Керамика белоградских поселений Суботовка и Яруга-Фигура Среднего Днестра (по В.Д.Рыбаловой 1999)

ет такую дату (рис.4).

Последнее опровергает суждение Л.И.Крушельницкой о сходстве керамики из нижнего горизонта Непоротово с ранними памятниками группы Сахарна. В керамическом комплексе раннего сахарнянского поселения Цахнэуць (по А.И.Мелюковой) преобладает резной орнамент и выделяется пласт керамики с прочерченным и резным узором, аналогичный материалам раннего слоя Бабадага (Бабадаг I) XI в. до н.э. (Мелюкова 1982: 3-12; Morintz 1964: 101-118; он же 1987: 39-71; Hansel 1976: 122-134).

К числу ранних композиций орнамента на столовой керамике культуры Сахарна в целом, по аналогиям с узором раннегальштатских комплексов с прочерченной керамикой Тэмзоань-Холеркань-Балта (Laszlo 1986: 65-91; Ванчугов 1983: 88-101; он же 1993: 28-39; Левицкий 1990: 6-8; он же 1994: 219-256), относятся группы па-

раллельных косых линий, чередующихся под углом друг к другу (одинарные и двойные ряды), горизонтальные и вертикальные зигзаги, а также простые косозаштрихованные горизонтальные ленты. К ранним мотивам ленточного построения сахарнянского орнамента относятся также полосы одинарных заштрихованных треугольников, прямоугольников или ромбов, сочетающихся в простейших комбинациях, иногда образующих сетки в средней части тулова сосудов (Гольцева, Кашуба 1995: 23). Все это хорошо прослеживается на столовой посуде еще одного раннего сахарнянского памятника — поселения Солончень-Хлиная (рис.4).

При анализе материалов поселения Солончень-Хлиная, исследованном в 1952-53 гг. А.И.Мелюковой, (Мелюкова 1954: 59-68; она же 1955: 51-64) мною выделяется культурно-хронологическая колонка раннего железного века,

охватывающая период второй половины X-III вв. до н.э. Древности типа Холеркань на этом памятнике были зафиксированы исключительно в сахарнянском контексте. Это позволяет считать, что поселение Солончень-Хлиная было основано во второй половине X в. до н.э. совместно носителями групп Холеркань и Сахарна, либо носители типа Сахарна появились в уже функционирующем поселении типа Холеркань, где продолжилось их совместное проживание с «растворением» последних в инокультурной среде. В любом случае, сам факт наличия древностей типа Холеркань позволяет нижнюю границу горизонта культуры Сахарна этого памятника отнести ко второй половине X в. до н.э.

Анализ керамического комплекса Солончень-Хлиная показывает, что ведущими в кухонной посуде являются сосуды выраженных раннегалльских типов, а среди столовой посуды отсутствуют поздние типы черпаков с низкой чашечкой, и буквально несколькими фрагментами представлены и поздние мисковидные сосуды. Большой процент (39%) столовой посуды этого сахарнянского поселения украшен орнаментом, среди которого преобладают ранние мотивы резного узора (рис.4: 1-5, 9-11).

Керамика нижнего горизонта Непоротово (X в. до н.э. по Л.И.Крушельницкой) существенно отличается от ранней сахарнянской посуды. Кухонная керамика Непоротово имеет субстратный белогрудовский облик — ведущим типом здесь выступает тюльпановидный горшок с проколами (рис.6: 15, 16). В орнаментации столовой посуды из нижнего горизонта Непоротово преобладает резной узор, но усложненных мотивов и комбинаций (рис.6: 1-4, 8, 11-14, 17).

При сравнении керамических комплексов Непоротово (даже не всей чернолесской культуры Среднего Днестра) и группы Сахарна на первый план выступает их различная субстратная основа: в первом случае — белогрудовско-раннечернолесская, во втором — раннегалльско-балканско-Подунавья. Даже если принимать во внимание, как считает Л.И.Крушельницкая, что вопрос о формах и орнаментации керамики сильно абсолютизируется и при помощи его пытаются решить большинство этнических проблем, а это всего лишь распространение стиля или творческие заимствования (Бандрівський, Крушельницька 1998: 205), то последние и вовсе не могли быть восприняты от носителей чернолесской культуры Среднего Днестра. В том самом субстратном белогрудовском керамическом комплексе (рис.5) отсутствуют потенциальные возможности для творческого развития форм и орнаментации столовой посуды, которые мы наблюдаем здесь уже на чернолесском этапе (рис.6). В раннегалльско-балканско-Подунавья в целом, напротив, имеется мощная основа для дальнейшего развития уже бытующих наработок форм и орнаментации столовой посу-

ды (Hansel 1976: 122-164). Но и в последнем случае, а в чернолесско-сахарнянском симбиозе особенно, можно говорить не столько об отдельных формах и орнаментации столовой посуды, сколько о своеобразной раннегалльско-белогрудовской триаде (корчага-черпак-миска), которая проявляется в устойчивом сочетании этих основных разновидностей.

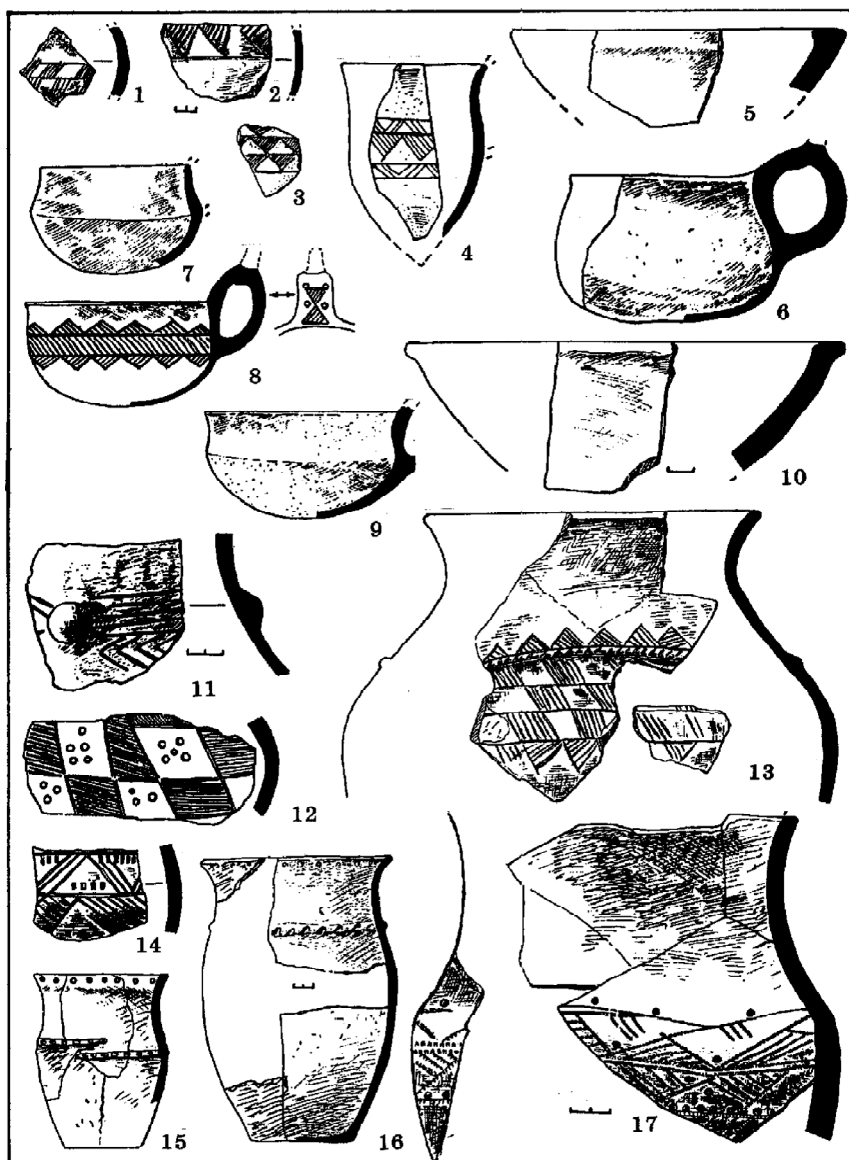
Возвращаясь к абсолютным датам Чернолесья II Среднего Днестра, отметим, что датировка его в целом X в. до н.э. проблематична. Даты: конец X в. до н.э., рубеж X-IX вв. до н.э., — фиксируются исключительно по керамике, имеющей аналогии в белогрудовско-раннечернолесских комплексах (например, Смирнова 1977: 97-99) или в поздней Белогрудовке, которая, по мнению В.Д.Рыбаловой, является фактически ранним Чернолесьем (Рыбалова 1999). Можно констатировать, что надежные хроноиндикаторы X в. до н.э. для развитого Чернолесья Среднего Днестра отсутствуют.

В качестве границы между ранним и поздним Чернолесьем (на всей территории распространения этой культуры) А.И.Тереножкиным был предложен рубеж X-IX вв. до н.э. в свете общего удренения синхронных между собой предскифских степных и лесостепных культур Северного Причерноморья (Тереножкин 1976: 208; Ильинская, Тереножкин 1983: 229). Такую датировку поддержала и Г.И.Смирнова, подчеркивая, что для развитого Чернолесья пока нет убедительных данных для отнесения нижнего хронологического рубежа к X в. до н.э., все ранние материалы относятся исключительно к IX в. до н.э., либо дают широкие расплывчатые даты (Смирнова 1985а:41).

Для развитого Чернолесья Среднего Днестра хроноиндикаторами IX в. до н.э. выступают 4 бронзовые узелковые булавки (рис.3: 1-4). Одну из них с поселения Комаров — с плоской гвоздевидной головкой и выступом на шейке — по аналогиям с моравскими и западновенгерскими экземплярами можно отнести к На В2 (рис.3:1). Уникальными оказались 3 булавки из погребения и насыпи кургана Днестровка-Лука — они с посоховидной головкой (две — с гладкой, одна — с накольчатой) и кубическим расширением на стержне (рис.3: 2-4). Прямые аналогии им отсутствуют, но их можно связывать, как отмечает Г.И.Смирнова, с одним из вариантов узелковых булавок с посоховидной (палецевидной) головкой. Булавки из Днестровка-Луки вместе с другими вариантами узелковых булавок датируются На В1-В2, но не позднее конца IX в. до н.э. (Смирнова 1985а: 41, 42).

Остается один из самых сложных вопросов и главных «козырей» концепции Л.И.Крушельницкой — это близость погребального обряда чернолесской культуры Среднего Днестра и группы Сахарна, а также отсутствие раннегалльских погребальных памятников в Нижнем Подунавье, на гипотетической первоначальной территории

Рис. 6. Керамика нижнего горизонта чернолесского комплекса Непоротово Среднего Днестра (по Л.И.Крушельницкой 1998)

обитания последней. Но и в этом случае возможен другой путь решения проблемы.

При констатации общего сходства погребальной обрядности чернолесской культуры Среднего Днестра и культуры Сахарна необходимо, в первую очередь, отказаться от его абсолютизации. Так, все спорящие стороны провозглашают лишь общие черты этой близости (Мелюкова 1979: 87; Смирнова 1977: 100; она же 1984: 56, 57; Бандрівський, Крушельницка 1998: 203), что вовсе не означает полной идентичности погребальных обычаев этих двух культур. Видимо, отсутствовал и общий источник происхождения этих погребальных обрядов. Поэтому вопрос о близости погребальных обрядов Чернолесья II Среднего Днестра и культуры Сахарна не должен решаться в пользу признания одного доминирующего вклада: исключительно чернолесского или сахарнянского. Погребальный обряд этих культур в равной степени являлся как чернолесским, так и сахарнян-

ским.

Как известно, свойственная культурному процессу конвергенция неизбежно ведет к общим явлениям в развитии одновременных археологических культур, к определенной нивелировке и близости материальной и духовной культуры различных групп населения одной эпохи (Массон 1995: 5-7). Не исключено поэтому, что имело место параллельное, совпадающее в самых общих чертах, развитие погребальной обрядности в эпоху поздней бронзы — раннего гальштата на Среднем Днестре и Балкано-Подунавье (собственно, это единый Карпатский регион со свойственными ему ритмами культурогенеза). Итогами обозначенного развития явились «совпадающие» погребальные обряды Чернолесья II Среднего Днестра и Сахарны, контакты и взаимодействия между которыми только усилили и укрепили это совпадение. В таком случае, общими чертами в развитии погребальной обрядности отмеченных областей этого единого

региона являлись: ингумация, использование камня в надмогильных конструкциях (панцирь, обкладка погребенного или каменный ящик), скорченное положение погребенных и, может быть, специфика погребального инвентаря, для которого типичны посуда и украшения и полностью отсутствуют предметы вооружения. В какой степени эти общие черты можно проследить на Среднем Днестре и Балкано-Подунавье в эпоху поздней бронзы — раннего гальштата?

На Среднем Днестре ингумация, скорченная поза погребенных, специфический погребальный инвентарь и курганные насыпи являются местными признаками, восходящими к белогрудовско-раннечернолесской культуре. Здесь отметим курганы у с. Печоры на Южном Буге и ранний курган №2 у с. Мервинцы в Юго-Западной Подолии (Рыбалова 1961: 21-23; Смирнова 1977: 97-99; она же 1984: 57). Генезис же погребального обряда белогрудовской культуры этого региона может рассматриваться в русле вопроса происхождения этой культуры всей территории ее распространения, в том числе и Поднестровья.

Публикуя материалы поселений Суботовка и Яруга-Фигура Левобережья Среднего Днестра и, тем самым, подтверждая территорию распространения белогрудовской культуры на запад вплоть до Днестра, В.Д.Рыбалова рассматривает и происхождение Белогрудовки этого региона. По ее мнению, белогрудовская культура Поднестровья сложилась на основе юго-восточного ответвления комаровско-тшинецкой культуры, которая проникла с Юго-Западной Волыни через притоки Припяти (Рыбалова 1999). Комаровско-тшинецкий (или комаровский, с учетом выделения И.К.Свешниковым только комаровской культуры с 8 локальными группами — Свешников 1990: 86) субстрат белогрудовской культуры лесостепного Буго-Днестровского междуречья подтверждают и материалы Войцеховского (современного Колосовского) курганного могильника (Лагодовська 1948: 62-77; Лагодовська, Захарук 1956: 69-74), основные черты погребального обряда которого (невысокие насыпи, скорченное положение погребенных, ориентировка головой на запад) отчетливо проступают уже в последующих белогрудовских памятниках, например, в могильнике Печоры (Рыбалова 1961: 21).

Обычай употребления камня в надмогильных конструкциях известен в белопотоцкой группе комаровской культуры, которая локализуется в южной части Верхнего Днестра, преимущественно по его левому притоку Сереты (Swiesznirow 1967: 46, 47; рис.1: 33-36, 41, 42). Отличительной чертой этой локальной группы является погребальный обряд, характеризующийся каменными ящиками со скорченным положением скелетов, ориентированных преимущественно головой на запад (Swiesznirow 1967: 53-55; рис. 3: III, IV; он же 1969: 42, 43).

Любопытны в связи с этим каменные конструкции раннего могильника Бедрэжий Век (Старые Бедражы) культуры Ноуа бассейна Прута. Особенностью погребального обряда этого могильника является применение камня для засыпки могил и устройства могильных сооружений (такие захоронения в могильнике составляют 15%) (Смирнова 1969: 61). Такое же сравнительно широкое использование камня в погребениях (ящики, обкладка) зафиксировано и в курганно-грунтовой могильнике Бурлэнешть Пруто-Днестровского междуречья (Levițki, Demcenko 1997: 117-120; fig.2; 3: 1, 6; 4: 8, 11, 12; 5: 1, 8, 9). Каменные обкладки погребений, но в меньшем количестве, в культуре Ноуа известны также в могильнике Островец в Прикарпатье (Балагури 1964: 7) и ряде могильников Румынии (Florescu 1991: 94, 133 и сл.). В поисках истоков обычая применения камня в могильнике Бедрэжей Век Г.И.Смирнова предложила в качестве возможного варианта считать белопотоцкую группу комаровской культуры (Смирнова 1969: 63, сн.40). Последующие разработки по культуре Ноуа подтверждают вклад комаровских древностей в ее формирование (Смирнова 1976: 118-135; она же 1993: 57-73), что не исключает и определенных заимствований в погребальном обряде.

В таком случае, обычай использования камня в надмогильных сооружениях (в том числе и каменные ящики) на Среднем Днестре в предскифское время может являться и своего рода постноуской традицией, что не должно исключаться по двум обстоятельствам. Во-первых, между культурой Ноуа и Белогрудовкой возможен хронологический стык. Последние принятые датировки культуры Ноуа показывают, что ее верхняя хронологическая граница приходится на конец XIII в. до н.э. или рубеж XIII-XII вв. до н.э. (Laszlo 1993: 33; он же 1994: 125-130; Смирнова 1990: 26-28; Левицкий 1990а: 20-23; Крушельницкая 1991: 22-24 и др.). Что же касается хронологии Белогрудовки, то в своей посмертно опубликованной статье В.Д.Рыбалова подошла к этому весьма осторожно, определяя ее нижнюю хронологическую границу не ранее рубежа XII-XI вв. до н.э. (Рыбалова 1999). В послесловии к ее статье Г.И.Смирнова справедливо отметила, что нижний хронологический рубеж развитых белогрудовских памятников должен уходить в XII в. до н.э., что вытекает даже из приводимых самой В.Д.Рыбаловой аргументов (Смирнова 1999). Во-вторых, необходимо учитывать особенности формирования белогрудовской культуры Среднего Днестра — отсутствие в этом процессе влияния степной культуры (хотя связи с балтской группой прослеживаются) и, соответственно, значительный вклад лесостепных культур, в частности, каннелированного гальштата типа Кишинэу-Корлэтэнь (Рыбалова 1999). Так, на Правобережье Среднего Днестра (в северных районах Республики Молдова) выделя-

ется ряд памятников типа Тринка, сочетающих элементы Кишинэу-Корлэтэнь и Белогородовкиранного Чернолесья (Levițki 1992: 120, 121). Такой акцент в сторону лесостепного компонента при формировании белогородовской культуры поречья Среднего Днестра, возможно, способствовал стойкости известных традиций культуры Ноуа в этом регионе.

Подтверждается и существенный вклад культуры Ноуа в формирование белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. Такие признаки погребального обряда белозерской культуры, как южная ориентировка, появление грунтовых могильников, смешанные курганно-грунтовые могильники и принципы их планировки, связывают с наследием культуры Ноуа (Ванчугов 1990: 129-131). Традиции культуры Ноуа в указанном регионе прослеживаются вплоть до эпохи среднего гальштата (до VIII в. до н.э.) — этим временем датируется могильник Стойкань в Запрутской Молдове, все 60 погребений которого представлены скорченными на боку труположениями с преимущественно южной ориентировкой (Petrescu-Dimbovița 1953: 157-212; Petrescu-Dimbovița, Dinu 1974: 71-97). А.И.Мелюкова предполагает, что стойканский могильник был оставлен потомками культуры Ноуа (Мелюкова 1979: 35).

Обычаи использования камня в надмогильных конструкциях, наряду с ингумацией, скорченной позой погребенных и, отчасти, ориентировкой, возможно, появились в белогородовской культуре Среднего Днестра, с одной стороны, от субстратной для нее комаровской культуры (белопотоцкая группа), а с другой, в качестве и постноуских элементов.

Что касается ситуации в Нижнем и Среднем Подунавье, то и на сегодняшний день можно констатировать, что пока не обнаружены могильники раннегальштатских групп Бабадаг и Инсула Банулуй, родственных культуре Сахарна.

Пытаясь разрешить возникшую ситуацию, Г.Джуганару обращает внимание на целые и фрагментированные человеческие скелеты, обнаруженные на 5 поселениях культуры Бабадаг, в том числе и на эпонимном памятнике (рис. 7: 3). Целые человеческие скелеты (около 10 случаев) зафиксированы в скорченном положении на боку, в ямах округлой формы и колоколовидных в сечении (Juganaru 1997a: 99-110). При находке такого скелета в 1996 г. на поселении Бабадаг были прослежены все ритуальные признаки погребального характера: очищение ямы огнем, поломка сосуда над умершим, обкладка тела (нижней части) каменными плиточками и засыпка ямы стерильным грунтом. Г.Джуганару считает, что в эпоху раннего и среднего гальштата зафиксированные на поселениях ритуальные действия погребального характера заменяли собой отсутствие могильников. В качестве аналогий он приводит ритуальные скопления на сахарнянском культовом памятнике Хлижень II

и аналогичные находки на городище Телеак культуры Гава (Juganaru 1997: 18, 19).

Вполне продуктивным представляется суждение о замене (или компенсации) захоронений в могильниках определенными ритуалами, зафиксированными на поселениях и культовых памятниках. Но в данном случае важен сам факт наличия ингумации (в том числе и скорченной позы погребенных) на памятниках типа Бабадаг, что достоверно свидетельствует об обряде труположения в этой культуре. Поэтому ингумация и скорченная поза погребенных культуры Сахарна являются не заимствованными чертами сахарнянского погребального обряда, а исконными и характерными его признаками.

Здесь можно напомнить и сложившееся мнение, что погребальным обрядом фракийцев является трупосожжение. Ко времени появления культуры Козия-Сахарна в Днестро-Сиретском междуречье эта территория оказалась занята инородными памятниками, первоначально обозначенными как фракийский гальштат. По мере их изучения выяснилось, что они (Гава-Голиграда и Кишинэу-Корлэтэнь) представляют собой восточные ответвления культуры полей погребальных урн Карпатского бассейна. Но за фракийцами в качестве погребального обряда стали признавать исключительно кремацию. Между тем в последнее время относительно фракийства культур каннелированного гальштата высказываются сомнения (Смирнова 1990a: 28-30; она же 1993a: 94, 97; abb.2; 5; Alexianu 1996: 222, 223). А на точку зрения о фракийской принадлежности культуры Ноуа не оказывает давления и то обстоятельство, что ее западные группы (где «восточный вклад» менее ощутим) дают исключительно обряд труположения (Andritoiu, Vasilev 1993: 101-123). Вполне правомерно в сложившейся ситуации в качестве погребального обряда фракийцев рассматривать в том числе и ингумацию. Тем более, когда речь идет о совершенно иной культуре — типа Сахарна, фракийство которой не вызывает сомнений — необходим и другой подход.

Последнее подтверждается и погребальным обрядом раннегальштатского горизонта (XI-X вв. до н.э.) с прочерченной керамикой типа Тэмэоань-Холеркань-Балта, который является местным субстратом культуры Козия-Сахарна (Laszlo 1986: 65-91; Левицкий 1990: 6-8; он же 1994: 219-256; Ванчугов 1992: 36; он же 1993: 28-39; Кашуба 1992: 35, 36). Исследованные могильники и погребения этого горизонта: Фолтешть и Тэмэоань группы Тэмэоань (Laszlo 1986: 67), Ханска группы Холеркань (Левицкий 1985: 125-128; он же 1994: 222, 223), а также Шершенцы и Черкасов сад группы Балта (Ванчугов 1983: 94; он же 1990: 49), — демонстрируют наличие ингумации, скорченной позы погребенных в грунтовых ямах со вторичными захоронениями (или перезахоронениями), а также «специфический» погребальный инвентарь или вообще его отсут-

ствии (рис.7: 1, 2). Считается, что основой сложения, например, группы Тэмэоань Запрутской Молдовы явились древности типа Сихлеану (или «Пребабадаг» по С.Моринцу), посредством которых были переданы элементы эпохи бронзы и особенно культуры Монтеору (Morintz 1971: 22; он же 1978: 160; он же 1987: 52; Haŕtuŕche

1972: 59-75; Hansel 1976: 144-146; Vrudiu 1981: 529-536; Laszlo 1986: 70; он же 1997: 67-84). Отметим здесь, что и погребальный обряд группы Сихлеану — это та же ингумация, что иллюстрирует Рымницеле (Anastasiu, Haŕtuŕche 1967: 19-21).

В южной Мунтении и северной Болгарии во

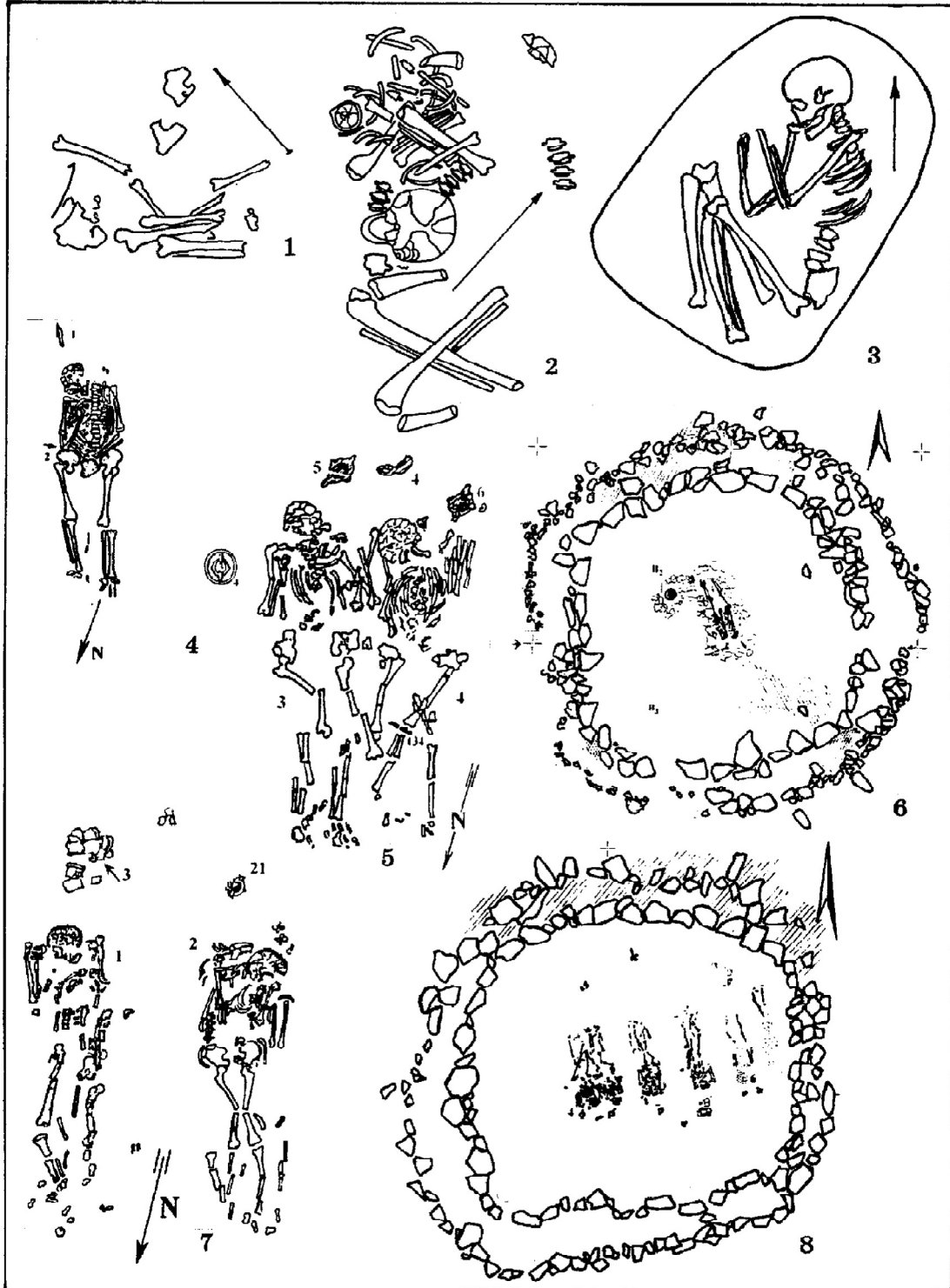

Рис. 7. Некоторые погребальные комплексы раннегалльских групп Балкано-Подунавья: 1 — Фолтешть группы Тэмэоань (по А.Ласло 1986); 2 — Ханска группы Холеркань (по О.Г.Левицкому 1985); 3 — Гарын-Млажитул Флорилор (по Г.Джуганару 1997); 4-8 — Сборяново (по Т.Стоянову 1997).

второй половине XII-X вв. до н.э. известна раннегалльштатская группа Зимнича-Новград, отличительным признаком которой являются могильники с ингумацией. Обряд труположения этой группы в основном связывают с местными культурами средней и поздней бронзы (Bassa, Marqhitan 1967: 108; Ignat 1976: 103), или же предполагаются идущие с запада влияния, где наряду с ингумацией известна и кремация (Alexandrescu 1978: 124). Несмотря на свое положение на западной периферии позднейших групп культуры полей погребальных урн, группа Зимнича-Новград демонстрирует более тесные связи с горизонтом Тэмзоань-Холеркань-Балта и Бабадагом I Нижнего Подунавья (Guta 1995: 109, 110).

Значительный пласт ингумационных погребений раннегалльштатского времени выявлен в северной и северо-восточной Болгарии, среди которых особый интерес в русле рассматриваемых вопросов представляет могильник Сборяново-Нивата на певеца (Стоянов 1992: 82-96; он же 1992а: 93-114; он же 1997). В пяти небольших курганах этого могильника с каменными панцирями, закладами и кромлехами, нередко состоящими из двойных и тройных рядов, было обнаружено 24 погребения (20 — по обряду труположения). Одиночные, парные и коллективные захоронения совершены на уровне древнего горизонта в вытянутом положении на спине или с небольшим разворотом, ориентированы преимущественно на юг (рис.7: 4-8). На основе анализа погребального инвентаря (посуда, украшения, орудия труда) Т.Стоянов датировал могильник X (концом XI) — серединой IX вв. до н.э. (Стоянов 1997: 80-85). Специфика полученных материалов на широком фоне раннего галльштата Балкано-Подунавья позволила автору раскопок поставить вопрос о выделении культурной группы Сборяново, синхронной, но не идентичной группам Чатапка и Пшеничево в Болгарии и Бабадаг в Добрудже (Стоянов 1997: 164-169).

Материалы могильника Сборяново дают убедительные аргументы в пользу присутствия ингумации и традиции использования камня в надмогильных сооружениях на Балканах в раннегалльштатское время. Даже если датировка Сборяново несколько занижена и фибулы (особенно железные экземпляры) синхронны горизонту кладов Михалков-Фокору-Дали, важен сам факт наличия такого некрополя в северо-восточной Болгарии, синхронного могильникам культуры Сахарна.

Каменные панцири, захоронения на уровне древнего горизонта в каменных кромлехах, вторичные захоронения, а также ритуальные действия с покойниками (в том числе обряд очищения огнем), — все это известно в культурных группах раннего галльштата Балкано-Подунавья (Сихлеану, Тэмзоань-Холеркань-Балта, Сборяново). Все перечисленные признаки, зафиксиро-

ванные в погребальном обряде культуры Сахарна, являются, скорее всего, исконными раннегалльштатскими, а не привнесенными белоградско-раннечернолесскими заимствованиями.

Как дополнительный аргумент интересна еще одна цепочка аналогий, состоящая из нескольких предскифских погребений X в. до н.э. Северо-Западного Причерноморья, которые не вписываются в рамки известных здесь культур и традиций. Речь идет о курганах с каменными насыпями Зализничное и Брэнешть (Субботин, Черняков 1973: 238-240; Левицкий 1989: 137-149). Относительно комплекса Зализничное, видимо, более правомерна его раннегалльштатская культурная принадлежность, чем отнесение к белозерской культуре (Ванчугов 1990: 47-49). Как подчеркивает и сам В.П.Ванчугов, Зализничное выпадает из погребальных комплексов белозерской культуры (Ванчугов 1990: 49). В данной ситуации предпочтительней лишь отнесение этого комплекса ко времени существования белозерской культуры, а не принадлежность его к последней. Именно в таком ключе И.В.Бруяко правомерно поставил в один ряд Зализничное и Брэнешть (Бруяко 1989: 36, 37).

В отношении комплекса Брэнешть установлена его принадлежность раннегалльштатской культуре с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь. Отмечая отсутствие в последней курганов с каменно-земляной насыпью, О.Г.Левицкий в качестве аналогий приводит захоронения локального варианта группы Ватина в Сербии (комплекс Белотич-Бела Црква-Добрача), который является родственным культуре Сурчин-Белегиш-Дубовац (Левицкий 1989: 143, 144). С продвижением на восток и Карпаты из югославского и румынского Баната носителей культуры Кручень-Белегиш (Morintz 1978: 305-323; Laszlo 1989: 111-114; он же 1994: 125-130, 156-163) или Сурчин-Белегиш-Дубовац (Смирнова 1985: 47; она же 1990а: 20-33; Левицкий 1990: 20-23; он же 1994а: 152-156) связывают происхождение раннегалльштатской культуры с каннелированной керамикой типа Кишинэу-Корлэтэнь. В этом продвижении на восток, возможно, принимали участие различные группы населения, в том числе и носители типа Белотич-Бела Црква-Добрача. Последние и могли оставить комплексы Зализничное и Брэнешть в Северо-Западном Причерноморье.

В нашем случае важен факт появления курганов с каменно-земляной насыпью и основным захоронением (или кенотафом) в период, предшествующий культуре Сахарна и независимо от нее. В русле этой «независимой» линии в Северо-Западном Причерноморье можно привести и два предскифских захоронения, совершенных в курганах с каменным панцирем: погребение № 16 кургана I близ Мокры (Яровой, Четвериков 1995) и основное погребение в кургане у с. Петродолино (Ванчугов, Островерхов 1984: 57-65).

В итоге можно констатировать, что в эпоху

поздней бронзы — раннего гальштата и на Среднем Днестре, и в Балкано-Подунавье (собственно в Карпатском бассейне) присутствовали ингумация и скорченное положение погребенных, а также обычай использования камня в надмогильных конструкциях. Поэтому возможно независимое появление (сохранение традиций или субстратные основы) этих признаков в погребальных обрядах чернолесской культуры Среднего Днестра и культуры Сахарна лесостепной Молдовы.

Возвращаясь к рассматриваемой монографии Л.И.Крушельницкой, представляется необходимым ответить (как автору глав по древностям раннего железного века) на те несколько абзацев, которые она посвятила сахарнянскому памятнику Хлижень II (Крушельницка 1998: 208).

Не могу согласиться с Л.И.Крушельницкой, что материалы горизонта Сахарна Хлижень II подтверждают ее концепцию формирования культуры раннего железного века в Среднем Поднестровье. Хронологические реперы и анализ керамической коллекции Хлижень II позволили датировать этот памятник IX — первой половиной VIII вв. до н.э. и уверенно отнести к сравнительно позднему в культуре Сахарна (Гольцева, Кашуба 1995: 7-31; Kashuba 1996: 396, 397). Поэтому те многочисленные аналогии чернолесской культуры Среднего Днестра, которые Л.И.Крушельницкая увидела в Хлижень II, как раз опровергают ее утверждения о наибольшей близости среднеднестровских чернолесских материалов (и нижнего горизонта Непоротово) именно ранним сахарнянским памятникам.

Что касается массовых (по определению Л.И.Крушельницкой) находок в сахарнянском слое Хлижень II чернолесских тюльпановидных горшков, то они там составляют порядка 18 %, тогда как горшки гальштатского облика — 82 % (Гольцева, Кашуба 1995: 20, 21). Но здесь необходимо уточнить, что столь значительный процент чернолесских горшков появляется уже на последних этапах развития культуры Сахарна как результат обратных контактов и связей между ней и развитым Чернолесьем Среднего Днестра. Например, на раннем сахарнянском поселении Солончень-Хлиная чернолесские тюльпановидные горшки составляют всего 7% (без учета того, что культура Сахарна на этом памятнике доживает до середины VIII в. до н.э.). Другой, не менее убедительный пример — это сахарнянское поселение Алчедар III, где зафиксированы два периода бытования культуры Сахарна: первый связан с возникновением и существованием этого раннегальштатского поселения в IX в. до н.э.; второй — с ремонтом, расширением и дальнейшей эксплуатацией имеющихся жилых и хозяйственных построек, а также возведением новых помещений во второй половине IX — рубеже IX-VIII вв. до н.э. Именно в заполнении закрытых комплексов второго перио-

да поселения Алчедар III обнаружена типичная позднечернолесская посуда, доля которой в кухонной керамике второго периода достигает 50% (а в целом на памятнике, в I и II периодах — около 30%). Не исключено, что произведенные на поселении Алчедар III строительные работы связаны с притоком сюда не позднее рубежа IX-VIII вв. до н.э. носителей Чернолесья II из поречья Среднего Днестра.

Горизонт древностей VII-VI (V) вв. до н.э. в Хлижень II не представляется возможным датировать VIII в. до н.э. — не позднее начала VII в. до н.э., как это предлагает Л.И.Крушельницкая (Крушельницка 1998: 208). Это четко атрибутированные материалы «фракийско-раннескифского» контекста, в том числе происходящие из закрытых комплексов Хлижень II (Гольцева, Кашуба 1995: 38-40). Сопоставление таких материалов из Хлижень II с другими аналогичными древностями южной зоны Среднего Днестра (Солончень-Хлиная, Офатинць (Выхватинцы), Алчедар-Ла Кордон) позволяет поставить вопрос о генезисе на этой территории раннегетской культуры. Особенностью последней является ее гибридный, смешанный характер, в котором органически сочетаются гальштатские (фракийские) и скифские (раннескифские лесостепные) элементы. Перекрестные аналогии: восточные (раннескифские памятники Подолии и Побужья) — для кухонной посуды и западные (поздняя Басарабь и Фериджеле) — для столовой, — подтверждают датировку выделенного керамического комплекса в пределах второй половины VII-V вв. до н.э. (Kashuba, Haheu, Leviŭki 1999).

Если выделенный керамический комплекс VII-VI вв. до н.э. в Хлижень II, как подчеркивает Л.И.Крушельницкая, наиболее типичен для культуры, развивающейся в Западной Подолии и Верхнем Поднестровье в более раннее время, в VIII-начале VII вв. до н.э., то ситуация в лесостепи Пруто-Днестровского междуречья принципиально иная. Здесь речь идет о фракийском культурном контексте не только для VIII в. до н.э., но и всего VII в. до н.э. В южной зоне Среднего Днестра, на восточной периферии фракийского мира в лице носителей культуры Басарабь-Шолдэнешть при контактах и взаимосвязях (и, возможно, частичном слиянии) со скифизированным населением лесостепи Западной Подолии и Побужья произошел генезис раннегетской культуры во второй половине-конце VII в. до н.э., обусловленный и давлением кочевого скифского фактора (Kashuba, Haheu, Leviŭki 1999). В более ранний период в южной зоне Среднего Днестра такие процессы не фиксируются.

В целом же возврат Л.И.Крушельницкой к гипотезе о восточном происхождении культуры Сахарна, по нашему мнению, не отвечает объективным археологическим реалиям. Также непродуктивным представляется ее отказ от призна-

ния двух локальных вариантов Чернолесья II Среднего Днестра (Крушельницкая 1991: 32-34). Единая (объединенная) культура развитого Чернолесья Среднего Днестра, которая, по Л.И.Крушельницкой, представлена непоротовской группой памятников, в конечном итоге лишена специфики и особенностей, выделяющих ее из «классической» чернолесской культуры лесостепного Правобережного Поднепровья. Культурно-историческая обстановка на Среднем Днестре в предскифское время, таким образом, теряет свою конкретику, мало чем отличаясь от ситуации на Днепровском Правобережье.

Отмеченные локальные варианты культуры развитого Чернолесья Среднего Днестра, нали-

чие которых подтверждено и применением статистического анализа, напротив, позволяют наиболее полно обрисовать всех участников контактов и взаимодействий, имевших здесь место в предскифское время. Такая полновесная картина, в конечном итоге, ведет к признанию Среднего Поднепровья первой половины I тыс. до н.э. в качестве культурогенетического центра, импульсы которого задавали тон культурному развитию лесостепи поречий Днепра, Днестра и Прута. Одним из первых ярких проявлений этого центра явилась трансформация Белогрудовки в культуру развитого Чернолесья, что знаменовало начало раннего железного века на Среднем Днестре.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. 1948. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкая область) в 1948 году. // Вестник ЛГУ, № 11. Л. 177-181.
- Артамонов М.И. 1949. Південноподільська експедиція. // АП УССР. I. К. 257-262.
- Артамонов М.И. 1955. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-53 гг. // КСИИМК, вып. 59. 100-117.
- Балагури Э.А. 1964. История племен позднебронзового периода в Среднем Поднепровье (культура Ноа). // Автореферат дисс. ... канд.ист.наук. К.
- Бандрівський М., Крушельницка Л. 1998. Поховальний обряд непоротівської групи пам'яток. // Л.Крушельницка. Черноліська культура Середнього Придністров'я. Львів. 201-208.
- Бочкарев В.С. 1992. Новые абсолютные даты для бронзового века Европы. // Северная Евразия от древности до средневековья. АИ, вып.2. СПб. 21-23.
- Бруяко И.В. 1989. Еще раз о погребении у с. Залізничное. // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти проф. А.И.Доватура). ТД. Рени. 36, 37.
- Бырня П.П., Чеботаренко Г.Ф. 1964. Материалы к археологической карте Молдавии. // МИАЭМ. Кишинев. 248-254.
- Ванчугов В.П. 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К. 88-101.
- Ванчугов В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. К. 168 с.
- Ванчугов В.П. 1992. Нижнедунайский горизонт с прочерченной керамикой и белозерская культура. // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. ТД. Одесса. 34-37.
- Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья. // Древности причерноморских степей. К. 28-39.
- Ванчугов В.П., Островерхов А.С. 1984. Позднекимморийский курган близ Одессы. // Новые археологические исследования на Одесчине. К. 57-65.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. 1991. Раннегалльштатский горизонт типа Сахарна-Солончены на городище Глинжень II. // ДОЗССП-I. ТД. К. 150, 151.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья. Тирасполь. 272 с.
- Городенко А.П. 1990. Об источниках некоторых культурных традиций эпохи раннего железа. // АИМУМ. Кишинев. 46-51.
- Кишинев. 46-51.
- Гуцал А.Ф. 1979. Нові пам'ятки раннього залізного віку в Середньому Подністров'ї (розвідки 1968-1969 рр.). // Археологія, № 31. К. 65-75.
- Гуцал А.Ф. 1987. Рудковецьке городище в ряду пам'яток чорнолісько-жаботинського типу. // VII Подільська історико-краєзнавча конференція (секція археології). ТД. Кам'янець-Подільський. 20, 21.
- Гуцал А.Ф. 1994. Могильник предскифского времени на Среднем Днестре. // ПССАСП-II. Запорожье. 54, 55.
- Гуцал А.Ф. 1998. Бернашевский могильник из Среднего Поднепровья в системе памятников раннего железного века. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И.Артамонова. ТД. СПб. 34, 35.
- Довідник з археології України: Хмельницька, Чернівецька, Закарпатська області / 1984. К. 222с.
- Ильинская В.А. 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). К. 223 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. К. 379 с.
- Кашуба М.Т. 1986. Памятники типа Сахарна-Солончены и позднее Чернолесье на Среднем Днестре (к постановке вопроса). // Молодежь, наука, производство. ТД. Кишинев. 80.
- Кашуба М.Т. 1989. Новое поселение типа Сахарна-Солончены в лесостепной Молдавии. // ПССАСП-I. ТД. Запорожье. 59, 60.
- Кашуба М.Т. 1990. Погребение культурной группы Сахарна-Солончены у с.Пояна. // АИМУМ. Кишинев. 107-111.
- Кашуба М.Т. 1992. Соотношение культур Сахарна и Чернолесье. // Киммерийцы и скифы — II. ТД. Мелитополь. 35, 36.
- Кашуба М.Т. 1998. Начало раннего железного века на Среднем Днестре и культура Сахарна. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И.Артамонова. ТД. СПб. 29-31.
- Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. 1991. Сахарнянский могильник I (Цыглзу). // СА, №1. 197-209.
- Кетрару Н.А. 1961. Материалы к археологической карте Молдавии. // Труды ГИКМ. Т.II. Кишинев. 113-128.
- Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. 1990.М. 156с.
- Клейн Л.С. 1999. Миграция: археологические признаки. // Stratum plus, № 1.СПб-Кишинев-Одесса. 52-71.
- Ковпаненко Г.Т. 1998. Поселение предскифского вре-

- мени у с.Комаров на Днестре. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И.Артамонова. ТД. СПб. 33, 34.
- Крушельницкая Л.И. 1975. Памятник раннежелезного времени на Среднем Днестре. // Новейшие открытия советских археологов. ТД. Ч. 2. К. 28, 29.
- Крушельницка Л.І. 1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). К.
- Крушельницкая Л.И. 1990. Группа памятников Среднего Поднестровья: Чернолесская культура. // Археология Прикарпатья, Волины и Закарпатья. К. 135-140.
- Крушельницка Л. 1998. Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). Львів. 224с.
- Лагодовська О. 1948. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. // Археологія, 2. К. 62-77.
- Лагодовська О.Ф., Захарук С.П. 1956. Нові дослідження Войцехівського могильника. // АП, VI. К. 69-74.
- Лапушнян В.Л., Никулицэ И.Т., Романовская М.А. 1974. Памятники раннего железного века. // АКМ, вып. 4. Кишинев.
- Левецкий О.Г. 1985. Погребение раннего железного века у с.Ганск. // АИМ в 1981 г. Кишинев. 125-128.
- Левецкий О.Г. 1989. Курган у с.Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегалльштатской культуры лесостепной Молдавии. // АИМ в 1984 году. Кишинев. 137-149.
- Левецкий О.Г. 1990. К вопросу о раннегалльштатском горизонте с прочерченной керамикой в Днестровско-Прутском междуречье. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТД. Ч.ІІ. Херсон. 6-8.
- Левецкий О.Г. 1990а. Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II-I тыс. до н.э. (памятники каннелированного гальштата). // Автореферат дис. ... канд.ист.наук. Л. 23с.
- Малеев Ю.Н. 1987. Чернолесская культура и гальштат. // Киммерийцы и скифы-I. ТД. Ч.ІІ. Кировоград. 11-13.
- Маркевич В.И. 1955. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. // Изв. МФ АН СССР, № 5 (25). Кишинев. 131-145.
- Массон В.М. 1995. Конвергенция и дивергенция в процессе развития древних культур. // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Срезней Азии и Восточной Европы. СПб. 5-7.
- Мелюкова А.И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. // КСИИМК, вып. 54. 60-73.
- Мелюкова А.И. 1954. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. // КСИИМК, вып. 56. 59-68.
- Мелюкова А.И. 1955. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952-1953 гг. // Изв. МФ АН СССР, № 5 (25). Кишинев. 51-70.
- Мелюкова А.И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. // МИА, № 64. 5-102.
- Мелюкова А.И. 1960. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев. 129-150.
- Мелюкова А.И. 1961. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. // МИА, № 96. 5-52.
- Мелюкова А.И. 1972. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. // СА, № 1. 57-72.
- Мелюкова А.И. 1975. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских племен с фракийцами в советской науке. // Studia Thracica. Кн.1. София. 54-68.
- Мелюкова А.И. 1979. Скифия и фракийский мир. М. 256 с.
- Мелюкова А.И. 1982. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии. // КСИИМК, вып. 170. 3-12.
- Мелюкова А.И. 1989. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. 16-29.
- Пассек Т.С. 1949. Археологические разведки в Молдавии. // КСИИМК, вып. 26. 57-68.
- Покровская Э.Ф. 1952. Поселения VIII-VII вв. до н.э. на Тясьмині. // Археологія, VII. К. 43-64.
- Покровская Э.Ф. 1953. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен Правобережного Поднепровья (бассейн р.Тясьмин). // Автореферат дисс. ... канд.ист. наук. К. 15с.
- Покровская Э.Ф. 1973. Предскифское поселение у с.Жаботин. // СА, № 4. 169-188.
- Рыбалова В.Д. 1961. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. // АСГЭ, № 2. 9-25.
- Рыбалова В.Д. 1966. Еще раз о начальной дате железного века на Днепре. // ВЛУ, № 2. Серия истории, языка и литературы, вып.2. Л. 74-82.
- Рыбалова В.Д. 1999. Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953-1954 гг.) и некоторые проблемы белгородской культуры. // Археологические вести, № 6. СПб. — в печати.
- Свешников И.К. 1969. К вопросу о племенном составе населения Прикарпатья и Волины в конце II и в начале I тысячелетия до н.э. // I międzynarodowy Kongres archeologii Słowiańskiej. T. II. 42-64.
- Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. 1987. Северная зона. Макет. Кишинев. 605с.
- Смирнов Г.Д. 1949. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Уч.зап. ИИЯиЛ МФ АН СССР. Т.ІІ. Кишинев. 189-202.
- Смирнова Г.И. 1954. Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII-VI вв. до н.э. // Автореферат дисс. ... канд.ист.наук. Л. 15 с.
- Смирнова Г.И. 1969. Новый могильник культуры Ноа у с.Старые Бедражы на Пруте. // АСГЭ, вып. 11. Л. 48-71.
- Смирнова Г.И. 1976. Магала I и некоторые вопросы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье. // Энеолит и бронзовый век Украины. К. 118-135.
- Смирнова Г.И. 1977. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам раскопок курганов у с.Мервинцы). // СА, № 4. 94-108.
- Смирнова Г.И. 1980. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и хронологическое соотношение). // Thracia, V. София. 121-143.
- Смирнова Г.И. 1981. Предскифский период на Буковине (контакты и взаимодействия). // Краткие тезисы докладов научной конференции Отдела истории первобытной культуры. Л. 52, 53.
- Смирнова Г.И. 1982. Закрытые предскифские комплексы у с.Днестровка-Лука. // Древние памятники культуры на территории СССР. Л. 30-53.

- Смирнова Г.И. 1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников). // АСГЭ, № 23. 60-71.
- Смирнова Г.И. 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука). // АСГЭ, № 25. 43-60.
- Смирнова Г.И. 1985. Поселение у с.Днестровка — памятник чернолесской культуры на Днестре. // АСГЭ, вып. 26. Л. 5-29.
- Смирнова Г.И. 1985а. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. // СА, № 4. 33-53.
- Смирнова Г.И. 1986. Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернопесья. // АСГЭ, № 27. 8-26.
- Смирнова Г.И. 1987. Поділля у передскіфський час (за наслідками робіт Південно-Подільської експедиції). // VII Подільська історико-краєзнавча конференція. ТД. Кам'янець-Подільський. 18-20.
- Смирнова Г.И. 1990. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II-первой половине I тыс. до н.э. // Дисс. докт.ист.наук в форме научного доклада. К. 40с.
- Смирнова Г.И. 1990а. Памятники типа Кишинев-Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье. // АСГЭ, вып. 30. Л. 20-33.
- Смирнова Г.И. 1999. Послесловие к статье В.Д.Рыболовой «Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра и некоторые проблемы белгородской культуры». // Археологические вести, № 6. СПб. — в печати.
- Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. 1988. О двух локальных группах культуры позднего Чернопесья на Среднем Днестре. // АСГЭ, № 29. 18-28.
- Стойанов Т. 1992. Погребальните обичаи в Североизточна Тракия през раножелязната епоха в светлина на новите проучвания. // Хелис I. София. 82-96.
- Стойанов Т. 1997. Могилен некропол от раножелязната епоха. Сборяново I. София. 239с.
- Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1973. Фракийский кенотаф у с.Зализничное на Левобережье Нижнего Придунавья. // СА, № 2. 238-240.
- Тереножкин А.И. 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. К. 248с.
- Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. К. 223с.
- Титов В.С. 1982. К изучению миграций бронзового века. // Археология Старого и Нового света. М. 92-139.
- Федоров Г.Б. 1957. Древние славяне и их соседи в Молдавии (краткое описание памятников I-начала II тыс. до н.э.). // Уч.зап. ИИЯиЛ МФ АН СССР. Т.VI (серия историческая). Кишинев. 237-311.
- Шовкопляс І.Г. 1952. Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі. // АП УССР, IV. К. 5-10.
- Шовкопляс І.Г. 1954. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. // Археологія, IX. К. 98-105.
- Шовкопляс І.Г. 1956. Середньодністровська експедиція 1949-1951 рр. // АП УССР, VI. К. 29-37.
- Шовкопляс І.Г., Максимов Э.В. 1952. Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі. // Археологія, VII. К. 89-108.
- Щапова Ю.Л. 1994. Описание, классификация и эволюционные закономерности в развитии древних вещей. // РА, № 2. 81-92.
- Яровой Е.В., Четвериков И.Ф. 1995. Полевой отчет о работах Днестровской археологической экспедиции ПГКУ им.Т.Г.Шевченко в 1994 г. // Архив ниво ПГУ. Тирасполь.
- Agulnikov S. 1996. Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia. // B.Tht., XIV. București / .115p.
- Alexandrescu A. 1978. Sepultures du premier âge du fer a Zimnicea (Dep. de Teleorman). // Dacia, XXII. 115-124.
- Alexianu M. 1996. La culture Corlăteni-Chișinau — thrace ou illyriene? // The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. Thr 7th internatoinal Congress of Thracology. Bucharest. 222, 223.
- Anastasiu F., Harțuche N. 1967. Cercetări și descoperiri arheologice in raionul Brăila. // Danubius, I. 19-21.
- Andritoiu I., Vasiliev V. 1993. Quelques considerations concernant la cultura Noua en Transylvanie. // Culture et civilisation au Bas Danube. X. 101-123.
- Bassa B., Marqhitan I. 1967. Așezarea hallstattiana de la Saulești. // Apulum, VI.
- Brudiu M. 1981. Contribuții la cunoașterea genezei Hallstattului in sud-estul României. // SCIVA, t.32, nr.4. 529-536.
- Cercetări arheologice in aria Nord-Traca. I. 1995. București. 510p.
- Cercetări arheologice in aria Nord-Traca. II. 1997. București. 536p.
- Chicideanu I. 1992. O descoperire de la începutul primei epoci a fierului la Cirna. // SCIVA, t.43, nr.1. 49-54.
- Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1994. 1995. Cluj-Napoca. 136p.
- Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1995. 1996. Brăila. 163p.
- Davidescu M. 1981. Un tezaur de podoabe tracice descoperit la Hinova-Mehedinți. // Thraco-Dacica, t.II. București. 7-22.
- Florescu A.C. 1991. Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. // Cultura și civilizația la Dunărea de Jos. IX. Călărași. 414p.
- Guma M. 1993. Civilizația primei epoci a fierului in sud-vestul României. // B.Thr.IV. București. 421p.
- Guma M. 1995. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review. // Thraco-Dacica, t. XVI, nr. 1-2. București. 99-137.
- Haheu V. 1998. Cercetări arheologice la cetatea tracogetică Alcedar-La Cordon din raionul Șoldănești. // Revista Arheologică, 2. Chișinău. 111-135.
- Hansel B. 1976. Beitrage zur regionalen und Gliederung der alteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn. T. 1, 2.
- Harțuche A. 1972. Un nou aspect cultural de la sfârșitul epocii bronzului la Dunărea de Jos. // Pontica, 5. 59-75.
- Iconomu C. 1996. Cercetările arheologice din cetatea hallstattiană de la Pocreaca-Iași. // AM, XIX. București. 21-56.
- Ignat M. 1976. Decouvertes du Hallstatt thrace dans le département de Suceava. // Thraco-Dacica, I. București. 99-108.
- Juganaru G. 1997. About question of the ritual-funeral customs of the eponimical settlement of Babadag. // Funeral practices in Europe 13th-4th centuries B.C. Tulcea. 18, 19.
- Juganaru G. 1997a. Manifestări timpurii ale primei epocii a fierului in Dobrogea (descoperirile de la Garvan-Mlajitul Florilor jud. Tulcea). // Prima epoca a fierului la Gurile Dunării și in zonele circumpontice. Tulcea. 99-110.

- Kashuba M.T. 1996. Higiene II — source historique pour l'étude de la culture hallstattienne de haute — époque Sahara. // *The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. VII Congress of Thracology. Bucharest. 394-397.*
- Kashuba M., Haheu V., Levițki O. 1999. Vestigii thracogetice de la Nistru de Mijloc. // *B.Thr. București — in print.*
- Kossack G. 1980. «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa. // *Situla 20/21. Ljubljana. 109-141.*
- Krušelnicka L. 1979. Studien zur Besiedlung der ukrainischen Karpaten und des Karpatenvorlandes zu Beginn der Eisenzeit. // *AAC, t. 19. 73-96.*
- Laszlo A. 1969. Cu privire la tehnica de ornamentare a ceramicii hallstattiană de tip Babadag. // *MA, I. Piatra-Neamț. 319-326.*
- Laszlo A. 1972. O așezare hallstattiană la Cozia (jud. Iași). // *AM, II. Iași. 207-222.*
- Laszlo A. 1976. Începuturile primei vârste a fierului pe teritoriul Moldovei. Unele rezultate și probleme. // *CI (SN), VII. Iași. 57-75.*
- Laszlo A. 1985. Hallstatul timpuriu și mijlocie pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iași. 16p.
- Laszlo A. 1986. Grupul Tamaoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din sudul Moldovei. // *MA, XII-XIV (1980-1982). Piatra-Neamț. 65-91.*
- Laszlo A. 1986a. Asupra legăturilor dintre spațiul Est-Carpatic și zonele de stepa și silvostepa Nord-Vest Pontice la începutul epocii fierului (sec.XII-VII î.e.n.). // *Analele științifice ale Universitate «Al. Cuza», din Iași (SM). T.XXXII, s.111A. Istorie. Iași. 1-12.*
- Laszlo A. 1989. Les groupes regionaux anciens du Hallstatt a l'est des Carpates. La Moldavie aux XII-VII siècles av. n.e. // *La civilisation de Hallstatt. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, nr.36. Liège. 111-129.*
- Laszlo A. 1993. Dates radiocarbone et chronologie de la civilisation Noua-Sabatinoanca-Coslogeni. // *Culture et civilisation au Bas Danube. X. Călărași. 23-41.*
- Laszlo A. 1994. Începuturile epocii fierului la est de Carpați. Culturile Gava-Holihrad și Corlăteni-Chișinău pe teritoriul Moldovei. // *B.Thr. VI. București. 315 p.*
- Laszlo A. 1997. On the origin, development and chronology of the first Iron Age at the Lower Danube. // *Prima epoca a fierului la Gurile Dunării și în zonele circumpontice. Tulcea. 67-84.*
- Levinschi A.N., Borziac I.A. 1990. Necropola plana de tip Sahara-Solonceni la Climăuți de Jos. // *Buletinul Academiei de Științe a R.S.S. Moldova, a 3 (95). Chișinău. 50-54.*
- Levițchi O. 1992. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpat-Dniestrien a l'époque du Hallstatt. // *Symposia Thracologica, 9. București. 119-121.*
- Levițki O. 1994. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul prutonistean al complexului hallstattian timpuriu, cu ceramica incizată. // *Relations Thraco-Ilyro-Hellenques. București. 219-256.*
- Levițki O. 1994a. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați. // *B.Thr. VII. București. 255p.*
- Levițki O., Demcenko T. 1997. Necropola tumulara-plana a culturii Noua de la Burlănești. // *Angustia, 2. 103-122.*
- Morintz S. 1964. Quelques problemes concernat la periode ancienne du Hallstatt au Bas-Danube a la lumiere de fouilles de Babadag. // *Dacia, VIII. 101-118.*
- Morintz S. 1971. Probleme ale hallstattului timpuriu in zona istro-pontică în lumina cercetărilor de Babadag. // *Peuce, 2. 19-25.*
- Morintz S. 1974. Sfârșitul epocii bronzului și începutul epocii fierului în Carpato-Balcanic. // *Revista de Istorie. T.27, № 6. București. 897-906.*
- Morintz S. 1977. Probleme privind origine traciilor în lumina cercetărilor arheologice. // *Revista de Istorie. T.30, № 8. București. 1465-1488.*
- Morintz S. 1978. Contribuții arheologice la istoria trakilor timpurii. I. Epoca bronzului in spațiul Carpato-Balcanic. București. 216p.
- Morintz S. 1987. Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie in zona istro-pontică (cercetările de la Babadag). // *Thraco-Dacica, t.VIII, nr.1-2. București. 39-71.*
- Morintz S., Roman P. 1969. Un nou grup hallstattian timpuriu in sud-vestul României — Insula Banului. // *SCIV, t.20. 393-422.*
- Niculită I. 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni. // *Thraco-Dacica, t.XVII, nr.1-2. București. 139-167.*
- Petrescu-Dîmbovița M. 1953. Cimitirul hallstattian de la Stoicani. // *MA, I. București. 157-212.*
- Petrescu-Dîmbovița M., Dinu M. 1974. Noi cercetări arheologice la Stoicanu (jud.Galați). // *SCIVA, t.25, nr.1. 71-97.*
- Sapouna-Sakellarakis E. 1978. Die Fibeln der griechischen Inseln. // *PBF XIV, 4. 208p.*
- Smirnova G. 1993. Die siedlung Mahala II a und II b — ein denkmal der Noua I und II kultur. // *Culture et civilisation au Bas Danube. X. Călărași. 57-73.*
- Smirnova G. 1993a. Zur Frage der thrackischen und illyrischen Komponenten in der Frühhallstattkultur des Vorkarpatenraums. // *Thraco-Dacica, t.XIV, nr.1-2. București. 91-99.*
- Stoyanov T. 1992a. Early Iron Age tumular necropolis in the Sboryanovo reservation. // *Хелис II. Sofia. 93-114.*
- Swiesznikow I.K. 1967. Kultura Komarowska (Na podstawie materialów z pln. Podkarpacia i zach. Wolynia). // *AP, t.XII, z.1. 39-107.*
- Terzan B. 1987. The Early Iron Age Chronology of the Central Balkans. // *Arch.Jug., 24. Belgrad. 7-27.*
- Vancugov V.P. 1996. Das Ender der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur. // *Eurasia antiqua, 2. 287-309.*
- Vasic R. 1982. Spätbronzezeitliche und alterhallstattzeitliche Hortfonds im ostlichen Jugoslawien. // *Südosteuropa zwishcen 1600 und 1000 v.Chr. Berlin. 268-285.*
- Vinski-Gasparini K. 1973. Kultura polja sa zarama u sjevernoj Hrvatskoj. Zadar.